

В.В. Шугин

ТАЙНЫЙ СЫСК
ГЕНЕРАЛА
ДЕ ВИТТА

Тайны
Российской
Империи

Тайны Российской империи

Владимир Шигин

Тайный сыск генерала де Витта

«ВЕЧЕ»

2011

Шигин В. В.

Тайный сыск генерала де Витта / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Тайны Российской империи)

Генерал от кавалерии граф Иван Осипович де Витт... Ни об одном российском генерале при жизни не ходило столько противоречивых слухов и невероятных домыслов. Его называют Штирлицем XIX века. Этот человек одновременно являлся доверенным лицом российских императоров и... Наполеона. Он сыграл не последнюю роль в жизни поэта Александра Пушкина и французского писателя Оноре де Бальзака. А его роль в раскрытии заговора декабристов до сих пор вызывает споры противников и апологетов декабристского движения.

Содержание

От автора	5
Прекрасная фанариотка	6
В начале пути	16
Тайный агент Наполеона	26
В огне сражений	40
За кулисами Венского конгресса	45
Во главе военных поселений	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В.В. Шигин

Тайный сыск генерала де Витта

От автора

*Моей жене Виктории
с любовью посвящаю эту книгу*

Недалеко от Севастополя на овеянном легендами мысе Фиолент находится тысячелетний Георгиевский монастырь. Когда-то на его территории располагалось небольшое кладбище, где хоронили людей, имевших особые заслуги перед Отечеством. Еще и сегодня неподалеку от бюста А.С. Пушкину, установленному в честь посещения великим поэтом мыса и монастыря, можно увидеть остатки старого кладбища, но самих могил, увы, уже не отыскать.

Бывая у стен знаменитого монастыря, я всегда пытался отыскать место захоронения человека, судьба которого до сегодняшнего дня остается загадкой. Слишком много загадочного окружало его при жизни, слишком много тайн унёс он с собой в могилу, в том числе тайну своих отношений с Александром Пушкиным и Адамом Мицкевичем, тайну любви Наполеона, Оноре де Бальзака, тайну декабристов и многое-многое другое.

Этот человек – генерал от кавалерии и кавалер всех российских орденов граф Иван Осипович де Витт. Его портрет можно увидеть в знаменитой галерее героев 1812 года, что в Зимнем дворце Петербурга. Наверное, ни об одном российском генерале не ходило в своё время столько противоречивых разговоров, домыслов и самых невероятных слухов. Многие факты его биографии до сегодняшнего дня сокрыты под плотным покровом неизвестности...

Прекрасная фанариотка

Иван де Витт родился в 1781 году в Каменец-Подольске. Отец его, Иосиф де Витт, был комендантом этой польской крепости. Впоследствии, во время восстания конфедератов, де Витт без боя передал свою крепость российским войскам и в награду за это был принят на русскую службу, при этом он был оставлен в своей старой должности. Впрочем, особого следа в истории отец нашего героя не оставил – в отличие от своей супруги.

Женой старшего де Витта и матерью Ивана была знаменитая на всю Европу авантюристка – красавица Софья де Витт. О ней мы должны поговорить подробнее, ибо незаурядная личность Софьи де Витт оставила заметный след в мировой истории. Кроме того, незримая тень матери оказывала влияние на нашего героя на всем протяжении его жизни. История жизни Софьи де Витт была столь богата самыми невероятными событиями, что могла бы послужить сюжетом целой серии приключенческих романов! Недаром история этой загадочной красавицы вдохновила впоследствии Пушкина на создание одного из самых гениальных творений!

Но обо всем по порядку. Начнем с того, что Софья Витт была по происхождению гречанкой, причем, судя по всему, из весьма бедной семьи. Вне всяких сомнений и то, что Софью Витт можно считать достойной представительницей великой плеяды авантюристов XVIII века, давших миру немало известных имен – от Джакомо Казановы до графа Сен-Жермена и Калиостро. Дети сапожников, ремесленников и крестьян с легкостью присваивали себе самые громкие титулы и, обманывая доверчивых аристократов, добивались денег и славы. Под стать мужчинам были и женщины. Чего стоит только история таинственной и несчастной куртизанки княжны Таракановой, мечтавшей о российском престоле и ставшей, в конце концов, разменной монетой в руках польских конфедератов. При этом, если главным качеством мужчин-авантюристов было умение обольщать женщин, то главным оружием авантюристок-женщин было, естественно, умение обольщать мужчин. К этому следует, разумеется, прибавить и такие обязательные качества, как красота и ум.

И ещё одна особенность удивительной плеяды великих авантюристов XVIII века – все они, как один, не обошли своим вниманием Россию, надеясь сорвать свой куш и попытаться счастья. У одних искателей фортуны в России все сложилось прекрасно: граф де Литта, герцог де Ришелье, граф де Рибас, к примеру, сумели прижиться и стали вполне уважаемыми людьми. Принца Нассау-Зигена и американца Поля Джонса подвела излишняя самоуверенность, после чего их карьера в России завершилась полным крахом. Граф Калиостро, как известно, был разоблачен и с позором бежал, а самозванка княжна Тараканова, чьи непомерные амбиции стали угрожать верховной власти, умерла от чахотки в казематах Петропавловской крепости. Что же касается женщины, речь о которой мы поведем ниже, то она оказалась настолько умна, что сумела извлечь из того, что ей давала судьба, все, что только возможно.

Однако, кроме всего прочего, необходимо отметить и особенность личности Софьи – будучи православной гречанкой, она сквозь всю жизнь пронесла преданность своей вере и свою искреннюю любовь к России. И то и другое она старалась воспитывать и в своих детях.

Официально считается, что Софья Глявоне (Клаврон) – Челиче Софья из семьи Глявоне-Челиче – родилась 12 января 1760 года. В ряде источников помимо фамилии Челиче приводятся ещё фамилии Глявоне (или Клаврон) и Маврокордато. Красота Софьи Клаврон была замечена уже в раннем девичестве, и с тринадцати лет она считалась самой красивой девушкой в Константинополе. О красоте Софьи будут впоследствии ещё много говорить в самых возвышенных тонах все, с кем только пересекался её жизненный путь. Ряд биографов прямо именуют её просто и без затей: «прекрасная фанариотка».

Фанариотами издревле именовали константинопольских греков, живших в особом квартале Фанаре на берегу Золотого Рога. Последние потомки гордых византийцев, они должны

были выживать среди враждебного им мусульманского мира, чтобы сохранить свою веру и самобытность. Эта многовековая борьба за выживание сформировала особый тип людей: умных, хитрых, умеющих приспособливаться к любым условиям и удивительно предприимчивых. Фанариоты практически стояли на протяжении многих веков во главе турецкой торговли. Помимо этого турки весьма активно привлекали фанариотов и к государственной службе, в качестве наместников в пашалыках и министров дивана. Со временем само понятие «фанариот» становится нарицательным, как определение человека, который выкрутится из любой ситуации и никогда не упустит свою выгоду. Софья Клаврон была настоящей фанариоткой по своему духу. Она, думается, всегда знала, чего хотела, и упорно шла к своей цели, невзирая на возникающие преграды.

По одной версии, несколько лет юная красавица провела в константинопольских притонах, а затем – первый поворот судьбы: её высмотрел польский посол и, выкупив у содержателя, решил отправить в Варшаву в качестве подарка королю Польши Станиславу Понятовскому, который, как известно, обожал столь экзотические презенты. Вместе с Софьей была выкуплена и её старшая сестра, тоже отличавшаяся редкой красотой. Однако до Варшавы девушек так и не довели. Еще в константинопольском порту Софью случайно увидел польский военный советник майор Иосиф де Витт и тут же, выложив баснословную сумму, перекупил обеих красавиц у посла.

По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, неплохо осведомленного о биографиях своих современников, эта будущая львица Петербурга была на пороге жизни служанкой в константинопольском трактире (а вовсе не проституткой, как говорила молва!), где обратила на себя внимание секретаря польского посольства, а затем и самого посланника при Оттоманской Порте Деболи, который и увез её с Босфора на Вислу.

Согласно другой версии, посол в Турции Боскамп Лясопольский, проезжая по улицам Константинополя, заметил бедную тринадцатилетнюю девочку-гречанку, которая была им приобретена у матери за 1500 пиастров. По пути в Польшу посланник остановился в Каменце. Там в юную спутницу посла без памяти влюбился сын коменданта крепости майор Иосиф де Витт, которому удалось тайно обвенчаться с прекрасной фанариоткой и вскоре увезти её во Францию. Имеется также история о некоем французском после в Стамбуле, доставившем девочку сразу в Париж, но последнее весьма сомнительно.

А вот ещё один рассказ о начале восхождения красавицы: «Летом 1777 года в Стамбуле, в польском посольстве, возглавляемом Каролем Лясопольским, появилась красавица Софья (ей было 17 лет). “Самая красивая женщина” Европы была помещена в дом, где жили слуги. Кароль часто приглашал её к себе. Родилась она вблизи Стамбула, отец – скупщик скота, жили бедно. Девочка получила “спартанское” воспитание. В 11 лет она потеряла свою невинность (двоюродный брат всем рассказал о случившемся). Пришлось ехать в Стамбул к тетке. Юная Софья начала пользоваться своей красотой. Вскоре в столицу переезжает вся её семья, но через два года умирает отец, сгорает дом, остались без средств к жизни. В это время судьба свела её с Лясопольским. Была зачислена в свиту посольства, хотя считалась фактически содержанкой посла. Быстро приспособилась к новой жизни, проявив блестящие способности. Научилась неплохо говорить по-французски, усвоила манеры поведения в высшем обществе. Посол записал в своем дневнике: “Память необыкновенная! Логический склад ума. Наблюдательность и настойчивость поразительны! Умеет маскироваться, скрывать свои чувства, может быть угодливой, уступчивой, если того требуют обстоятельства”. Он охотно проводил время с красавицей, забыв о службе. Разгневанный король Польши Понятовский потребовал немедленного возвращения Лясопольского в Варшаву. А посол с Софией наслаждались красотой Черноморского побережья. Пришлось расстаться, его ждали жена и дети. Но вскоре попал в немилость, и сейм запретил ему заниматься дипломатией (якобы причина – нечистокровный поляк). Переписывались. Уж, не знаю, тосковала ли на самом деле Софья о Лясопольском, но тот о ней

точно. Затем овдовевший к тому времени Кароль, приглашает красавицу в своё имение “Дуду”. На крыльях ветра неслась к нему София.

Еще бы, ведь это был её шанс вырваться из мира вечной нужды и изменить свою судьбу!

С большим трудом добралась она до Каменец-Подольска. Комендантом крепости в то время был де Витт, а его правой рукой – сын Юзеф, майор польской армии. Приехав в Каменец-Подольск, Софья сразу же проявила свой ум и авантюрный характер. Отрекомендовавшись невестой посла и выдавая себя за знатную особу, она сразу требовала к себе и соответствующего отношения. И сразу же все получила. Впрочем, разрешения на выезд в Польшу все не было, а ждать было уже невмоготу. Видя, что дело затягивается и посол, вполне возможно, уже охладел к ней, Софья решает самостоятельно устроить свою судьбу, тем более что в поклонниках у неё недостатка не было. Предпочтение она отдает молодому Юзефу де Витту, посчитав его наиболее перспективным. Что касается избранника красавицы майора де Витта, то он являлся поляком голландского происхождения, отец которого некогда оставил родину ради карьеры в другой стране. Род Виттов был в своё время весьма знаменит в Европе. Достаточно вспомнить лишь знаменитого голландского адмирала Корнелиуса де Витта по кличке Забияка, героически павшего в одном из сражений англо-голландских войн XVII века, и правителей Голландии того же периода – братьев Иогана и Корнелиуса де Витт. Вскоре Софья стала законной супругой майора.

Польский историк пишет по этому поводу следующее: «Первую свою победу 13-летняя Софья одержала, сама не зная и не желая того. Их с сестрой выгрузили на берег вместе с другим имуществом королевского посла в Каменец-Подольской пограничной крепости. И гречанку-жемчужинку в грязном изорванном платье с буйными спутанными локонами увидел сын коменданта крепости майор Иосиф де Витт. Крошка предназначалась гарему любвеобильного и не слишком разборчивого Станислава Августа, короля Польского. Посол купил сестричек-гречанок в Турции у их собственной матери, расхваливавшей свой товар, за сущие гроши. Теперь комендантский сын заплатил ему за них кучу золота. Посол был рад – ему меньше хлопот и верные деньги. Старшая из красавиц быстро стала любовницей майора, а от второй, Софьи, майор за свои собственные денежки получил лишь решительный отказ и предложение взять её в законные супруги. Предложение беспрецедентное, поскольку майор услышал его от рабыни, от маленькой шлюшки, крепостной, без рода, без имени, без прав, зато с красотой Прекрасной Елены. Майор обвенчался с ней 17 июня 1779 года. Перед чарами, мольбами и мудрой речью юной невестки не устоял и старый комендант, не дававший вначале согласия на этот брак. На матушку майора чары не подействовали – она попросту скончалась. Старшую сестру красавицы Софьи не забыли, она была благополучно и весьма выгодно выдана замуж за турецкого пашу».

В родословной семьи Потоцких о происхождении Софьи, о её молодости, приводится несколько иная версия: «Изначально она (Софья. – В.Ш.) была “стопроцентной” Челиче, поскольку отец и мать носили такую фамилию. Но в пятнадцатилетнем возрасте Софья осталась без отца. Мать повторно вышла замуж – за купца-армянина, но вскоре умер и он. В довершение ко всему во время большого пожара семья лишилась дома... Погорелиц приютила тетка Софии по матери, которая была замужем за купцом Глявоне. Сама Софья всегда подчеркивала, и свидетельства сохранились, своё происхождение от знатного аристократического рода Панталиса Маврокордато, проистекающего от царской греческой семьи и связанного кровными узами с властителями Византии...»

Положение сестер в польском посольстве в Стамбуле и их последующая жизнь опровергают ставшие расхожими вымыслы о продаже их кому-либо на невольничьем рынке в Стамбуле. Наверное, поэтому, для придания большей “правдоподобности” вымышленному факту, польский историк Йосип Ролле, широко известный как Антоний I, в своих писаниях сознательно занижает возраст Софьи и её сестры (в его книге “Судьба красавицы” во время приезда

в Каменец-Подольский Софье было 13 лет, а сестре – 15). А ведь к 1777 году Софья и тем более её сестра были уже взрослыми и самостоятельными девушками, к тому же, хоть и обедневшими, но полноправными подданными турецкого государства. Об этом вымысле и сознательном искажении фактов пора, наконец, сказать открыто и прямо. Ведь именно с подачи Йосипа Ролле в общественном сознании укоренилась нелепая легенда о Софье как о “трижды проданной” женщине, единственным достоинством которой была лишь её необычайная красота».

Как бы то ни было, но в 1779 году Софья стала законной супругой сына коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де Витта. Несмотря на все варианты происхождения Софьи Клаврон, все биографы красавицы согласны в одном: обладая необыкновенной красотой, немалым умом и предприимчивостью, девушка сумела сделать себе блестящую партию с польским дворянином, что по нравам XVIII века было редкостью.

Прожив год в Каменец-Подольске, молодая пара выехала за границу. Перед вчерашней служанкой открылись аристократические салоны Берлина и Гамбурга, Рима и Венеции, Неаполя и Вены и, наконец, Варшавы. Если для всякой другой девушки из бедной семьи это было бы уже пределом мечтаний, то, посмотрев Европу и познакомившись с высшей аристократией, Софья уже мечтала о более счастливой судьбе, чем судьба гарнизонной майорши.

Неожиданно для всех, и в первую очередь для мужа, Софья произвела настоящий фурор в высшем свете Парижа. Польщенный де Витт демонстрировал и даже рекламировал свою жену. Шляхтичу льстило, что его жена затмевала своей красотой европейских светских львиц. А Софья продолжала завоевывать все новые мужские сердца. Известная в то время парижская художница Виже-Лебрен, рисовавшая юную де Витт, объявила во всеуслышание, что красивее этой девушки нет во всей Европе. На балы, где танцевала Софья, специально приезжали, чтобы посмотреть на красотку, о которой все так много говорили. Вскоре у ног Софьи был уже весь Париж. Супругов Витт приглашали на самые престижные приемы только для того, чтобы полюбоваться необыкновенной красавицей. Всюду, где появлялась Софья, мгновенно образовывались толпы поклонников. Положение её мужа вскоре становится откровенно двусмысленным, но недалекий шляхтич этого не понимал и упивался ролью мужа красавицы. Тем временем с Софьей знакомятся и рассыпаются в комплиментах почти все европейские монархи: Фридрих VI и Людвиг XVIII, Карл X и Иосиф II. Прошло совсем немного времени, и мадам де Витт стало совершенно ясно, что провинциал-муж только мешает ей подняться ещё выше. Заурядный поляк давно потерялся в толпе поклонников и все больше раздражал покорившую Европу супругу.

Именно в это время, в 1781 году, у Софьи рождается сын, названный Иоганном, который и является главным героем нашего повествования. Но это ещё впереди. Блистающей в свете матери, разумеется, было не до ребенка. Сразу после рождения мальчика передали кормилице и нянькам. Своему сыну Софья станет уделять внимание значительно позднее, а пока она снова поглощена балами, приемами и толпами поклонников.

Что касается её супруга, то после поездки в Париж майор де Витт отправляется в Петербург подыскать себе достойное место службы. С собой он берет и Софью, чтобы с помощью её красоты попытаться завести выгодные знакомства. В Петербурге появление первой красавицы Европы вызвало настоящую панику среди местных примадонн и восторженный переполох среди мужчин. Вскоре слух о Софье де Витт достиг ушей всесильного князя Потемкина, и тот, увидев её на одном из приемов, немедленно пожелал заполучить красавицу себе. Так в жизни бывшей греческой служанки начался новый этап.

Происходившее далее было весьма цинично, но таковы были нравы эпохи. Представители светлейшего вступили в откровенные переговоры с майором де Виттом относительно его жены. Началась самая настоящая торговля. Де Витт в обмен на жену требовал титул графа и генеральский чин. Потемкин настаивал на полковничьем чине и титуле барона. В конце концов победил де Витт, став, в обмен на отданную Потемкину жену, и графом, и генералом. Впро-

чем, Потемкин знал, что делал, так как вместе с мужем получила графский титул и его жена. Отныне бывшая простолюдинка Софья Клаврон стала графиней Софьей де Витт. Мы не знаем, как отнеслась сама Софья к факту своей перепродажи, впрочем, её, скорее всего, об этом никто и не спрашивал. Красавица была всего лишь дорогим и модным товаром. Что касается Потемкина, то он был в восторге от приобретения такого приза и немедленно окружил Софью всеми благами, которые только мог дать. Любовь гречанки князь оценил в два прекрасных крымских имения – Массандру и Симеиз.

В 1787 году в Крыму Софья была представлена Екатерине II и произвела на императрицу хорошее впечатление. Прекрасно знавшая происхождение Софьи де Витт и любвеобильность своего фаворита, императрица никакой ревности к греческой красоте не испытывала. Любопытно, что буквально перед встречей с императрицей Софья только что вернулась из Константинополя, куда ездила навестить свою сестру, ставшую к этому времени главной женой трехбунчужного паши Гуссейна, командовавшего турецкой армией на Дунае. Родственные отношения Софьи с высшей знатью Османской Порты ещё не раз впоследствии сослужат хорошую службу и ей, и её старшему сыну, и России.

Отметим и то, что Екатерина не только милостиво приняла Софью, но и одарила её несколькими белорусскими деревнями и целым ворохом драгоценностей. Об истинной причине столь благожелательного отношения императрицы к графине де Витт мы расскажем ниже. Пока же властитель Тавриды щеголял перед всей Европой своей фавориткой как драгоценным трофеем, а Софья, в свою очередь, вполне могла гордиться своей властью над вторым человеком России. Не был печален и бывший муж, которого Потемкин назначил губернатором Херсона с годовым окладом в 6000 рублей. Так что все участники сделки остались довольны.

С началом Русско-турецкой войны, в 1787 году, упомянутая выше французская портретистка Виже-Лебрен посетила Ставку Потемкина и была поражена щедростью его подношений своей возлюбленной: «Ему всё было нипочем, лишь бы удовлетворить желанию, капризу обожаемой им женщины». Влюбленный в госпожу де Витт, он «расточал перед нею самые изысканные любезности. Так, однажды, желая подарить ей кашемировую шаль безумно высокой цены, он дал праздник, на котором было до двухсот дам, а после обеда устроил лотерею, но так, что каждой досталось по шали, а лучшая из шалей выпала на долю самой прекрасной из дам (т. е. госпоже де Витт)».

Об этих празднествах «князя Тавриды», где неизменно царила прекрасная гречанка, имеется ряд характерных свидетельств в воспоминаниях современников. В «Записках Александра Михайловича Тургенева» сообщается, что во время осады Очакова, когда «войско умирало от холода, голода и житья в землянках», князь Потемкин в главной квартире своей, в лагере «давал балы, пиры, жег фейерверки... куртизанил с... бывшею прачкою в Константинополе, потом польской службы генерала графа Витта женою...» В воспоминаниях об отношении Софьи с Потемкиным очень много неправды и откровенных наветов. Причин тому было много: зависть дворянства к богатствам светлейшего князя и его влиянию на императрицу, ненависть женской половины к красоте Софьи и её головокружительному взлету, и так далее. А потому, читая «исторические» измышления об этих двух незаурядных личностях, к ним надо всегда относиться предельно критически.

Биограф Софии так написал о её красоте тех лет: «Со знаменитого портрета, написанного итальянским художником Сальватором Тончи, смотрит на нас из дали трёх столетий нежное, почти детское лицо, обрамленное волшебными непослушными волосами. Глаза полны чистоты и какой-то неуловимой прелести. И улыбка чуть-чуть трогает губы, беспомощно и маняще».

Испытывала ли сама Софья какие-то чувства к светлейшему? Ряд фактов говорит, что не только испытывала, но что именно Потемкин стал её самой большой любовью. До самого последнего дня своей жизни она носила на груди медальон с его портретом.

Историки фиксируют, однако, что спустя некоторое время влюбчивый Потемкин охладел к красавице и уже не оказывал ей того внимания, как раньше.

Однако в отношениях Софьи с Потемкиным не все так просто. Разумеется, близкие отношения между графиней и князем, судя по всему, были, но наряду с этим имели место и совершенно иные отношения – политические. Отметим, что Софья, несмотря на своё низкое происхождение, была весьма эрудированна. Об этом говорит хотя бы тот факт, что она знала пять языков: греческий, турецкий, польский, русский и французский. Если прибавить к этому ослепительную красоту, умение обольщать, женскую хитрость и лукавство, то перед нами вырисовывается достаточно четкий образ идеального агента, способного почти открыто работать в высших сферах.

А потому политические отношения между графиней де Витт и Потемкиным мне кажутся более предпочтительными и главенствующими, чем заурядная любовная интрига светлейшего. Давно известно, что Потемкин только внешне казался сумасбродным и капризным сибаритом. На самом деле это было лишь маской, за которой скрывался искусный и тонкий политик, всегда блестяще разыгрывающий свои многоходовые партии. А потому вполне возможно, что и Софья была нужна светлейшему не только как любовница, а как помощник в его тайных внешнеполитических делах.

Предоставим слово одному из биографов Софьи де Витт: «Красавица, осознав свою власть над миром мужчин, поняла, что теперь больше всего ей нужна свобода. Вернувшись в постылую, жалкую Каменец-Подольскую крепость, родив сына Ивана и похоронив тестя, сделавшись комендантшей, госпожа де Витт решила завоевать российскую столицу. Но юная завоевательница была поразительно прозорлива. Она понимала, что не может предстать перед матушкой-императрицей с пустыми руками. Прекрасная путешественница отправилась в Вену, посетила и Стамбул, где пораженный её красотой, совершенно очарованный, с ней мило беседовал французский посол. Он и не подозревал, что его собеседница, почти дитя, внимала с невинным видом каждому его слову, и каждое его слово запоминала... Теперь прелестнице было что подарить своей государыне-императрице – информацию!

Ее шаги на новом, весьма привлекательном поприще оценили – ей были дарованы угодья. Но гораздо более ценным приобретением было то, что её, Софью, увидели! Теперь её стали видеть часто в Стамбуле, в Львове, при дворе Станислава Августа. Сам король отдал приказ возмущенному мужу, отчаявшемуся вернуть домой блудную жену. И приказ этот звучал не просто как комплимент женским прелестям мадам де Витт: “И не думай оставлять крепость из-за своей жены, твоя жена сама должна возвратиться, доверься её уму”.

Прелестница оказывалась при командующем русским войском Салтыкове, под Хотинном, и пушки молчали лишние три дня, приводя в негодование Потемкина. Сестры встретились. Подруга Салтыкова Софья де Витт и супруга турецкого паши приостановили сражение, задержали «викторию» русских. И даже Потемкин унял свой гнев, когда от Салтыкова прибыл к нему в лагерь прекрасный посол... С того дня господину де Витту за его супругу исправно платил Потемкин, разумеется, в интересах Отечества. Муж, предоставленный сам себе, ещё не раз убеждался, что очень выгодно вложил те тысячу червонцев, которые он заплатил когда-то за крошку-гречаночку. А мадам де Витт, теперь уже послом от самого Потемкина, отправилась в Варшаву – разузнать о настроениях вечно непокорной польской шляхты. Верная себе, обворожительная Софья прежде всего была послом любви. Её предназначение – завоевывать сердца. Задание Потемкина было выполнено блистательно. В Варшаве в неё без памяти влюбился Потоцкий... О такой добыче русские политики могли только мечтать. «Крупнейший помещик, представитель древнего польского рода, яростный защитник интересов независимой Польши».

Если не принимать во внимание обилия лирики в данном отрывке, главное очевидно – Софья де Витт предстает не столько как любвеобильная гетера, сколько как талантливая

разведчица. Сразу возникает вопрос: может, именно за это и приблизил её к себе Потемкин, может, именно за успехи в секретных операциях, а не на любовном ложе дарил ей крымские поместья? Может быть, и представляли Софью императрице вовсе не как легкомысленную красотку, а как особо ценного агента? Может быть, и не было вовсе никакого охлаждения в их отношениях, а просто началась новая операция по приобретению для России весьма влиятельного агента в Польше?

Именно поэтому с именем Софьи де Витт связано множество не только любовных, но и политических интриг. Однако Софья была слишком умной, чтобы при этом рисковать своим, с таким трудом добытым, благополучием, а потому, даже интригуя, она всегда стремилась оставаться в тени. Отметим, что Софья была лишена каких-либо личных политических амбиций. Возможно, решающим фактором работы на Потемкина было единство веры, ведь де Витт была все же гречанкой. Возможно, в этом была ещё одна заслуга светлейшего, сумевшего, в перерывах между амурами, заронить в женское сердце любовь к России. Как бы то ни было, но своего старшего сына Иогана Софья называла дома исключительно Иваном, да и воспитывала с пеленок в любви к России. При этом, видя негативное отношение большинства польской аристократии ко всему русскому и исходя из своего богатого жизненного опыта, Софья делала все это в тайне от окружавших. Как непроста и как дальновидна была эта женщина! Как много и умело смогла она дать своему сыну! Время покажет, что эти труды не пропали даром.

Примечательна весьма таинственная история с падением крепости Хотин. Дело в том, что комендантом крепости был муж старшей сестры Софьи Гассан-паша. Турок был настолько влюблен в свою жену, что ради неё отказался от гарема и находился полностью под её влиянием. Когда наша армия осадила Хотин, там появилась Софья, которая несколько раз встречаясь со своей сестрой. После этого Хотин капитулировал. Вполне возможно, что именно Софья и её сестра сумели убедить Гассан-пашу в бессмысленности сопротивления. Если это было действительно так, то Софья де Витт спасла сотни жизней русских солдат. Уже за одно это она достойна нашей памяти!

В это время в Польше происходила напряженная внутривнутриполитическая борьба вечно враждующих аристократических группировок. Правительства Австрии, Пруссии и России готовились к очередному разделу саморазрушающейся Польши, которая, раздираемая склоками шляхты, на глазах теряла государственность, превращаясь в неуправляемое бандитское образование. Подготовка к усилению российского влияния в Польше, прежде всего в её восточных областях, шла по всем направлениям.

Относительно дальнейшего развития событий существует тоже несколько легенд. Согласно первой, официальной, сам Потемкин уступил красавицу безнадежно влюбленному в Софью пророссийски настроенному гетману Станиславу Потоцкому. Причем передача любовницы польскому гетману была не прихотью сумасбродного князя, а тонким политическим расчетом искушенного в закулисных интригах государственного деятеля. По другой версии, Софья де Витт якобы сама бросила надоевшего ей мужа и, видя равнодушие Потемкина, ушла к Станиславу Потоцкому. Были слухи, что гетман уплатил предприимчивому генералу де Витту за право жениться на его жене отступные в размере два миллиона злотых, так что и здесь ушлый голландец не остался в накладе, а Софья стала уже не только графиней, но и гетманшей.

Из родословной семьи Потоцких: «Йозеф Витте после смерти своего отца сделался комендантом Каменца-Подольского, но к этому времени амбиции Софьи вышли уже далеко за рамки этого города и статуса первой леди Подолья. Она окунулась в вихрь политических интриг, стала доверенным лицом Екатерины II, а чуть позднее разделила ложе с фаворитом императрицы князем Потемкиным. Силой и уговорами де Витте заставил жену вернуться в Каменец. Но прекрасная комендантша недолго гостила в собственном доме. Её новым увлечением стал граф Феликс-Станислав Потоцкий, к которому она убежала в Варшаву. В ответ на требование Витте графу Потоцкому немедленно вернуть жену, Софья возвратилась в Каменец

с намерением откупиться от мужа. Она переписала на его имя свои белорусские имения, подаренные Екатериной, а также вручила более полумиллиона золотых, выданных ей влюбленным графом. Витте согласился дать ей свободу».

Софья и Станислав Потоцкий были неразлучны с 1791 года. Оформить же отношения они решили лишь четыре года спустя, уже заведя внебрачных детей. При этом старые цепи Гименя над ними словно не довели. Иосиф не противился бракоразводному процессу, и к январю 1796 года формальности были улажены. К нему отошли белорусские владения бывшей супруги и 150 тысяч злотых. Кроме того, Софья взяла обязательство выкупить у графа Потоцкого на имя своего первенца Ивана де Витта поместье Грушевский Ключ и передать его экс-супругу на правах пожизненного владения. Самого же пятнадцатилетнего сына Станислав Потоцкий брал на воспитание.

Остановимся на личности нового избранника Софьи де Витт подробнее, ибо он оказал огромное влияние на всю последующую жизнь, как самой Софьи, так и её ещё тогда маленького сына.

Станислав Потоцкий родился в 1752 году на Волыни. Отец его был киевским воеводой, человеком властным, жестоким, с огромным польским гонором. Владения Потоцкого были расположены по всей Правобережной Украине: в Краковском и Сандомирском воеводствах, а также на Брацлавщине – Умани, Тульчине, Немирове, Тальное и другие. Наследник влиятельнейшего и богатейшего рода Польши, Станислав был настоящим баловнем судьбы, став одним из богатейших польских магнатов, за что и получил прозвище «щенский», то есть счастливый. Именно под именем Потоцкого-Щенского он и вошел в историю. Политическую карьеру Потоцкий-Щенский начал уже в юном возрасте, когда стал бельским старостой. Резиденцией огромных владений Станислава Потоцкого с 1775 года стал город Тульчин. В своей жизни Щенский достиг немало: маршалок Торговицкой конфедерации, крупнейший тульчинский, браиловский и уманский помещик, воевода Черноморусский, маршал Тарговицкий и генерал коронной артиллерии. Щенский являлся кавалером российского ордена Александра Невского и обоих польских орденов, а также автором злободневных трактатов: «Вечное бескорольевье», «О наследии трона в Польше» и «Протест против трона в Польше». В 80-х годах XVIII века Щенский был членом масонской ложи «Великого Польского схода». Считается, что выстроженный им позднее парк «Софиевка» полон тайных масонских символов.

Пушкинист Л. Гроссман в своем произведении «У истоков бахчисарайского фонтана» пишет, что известный мемуарист «Вигель в своих записках называл фамилию Станислава-Феликса Потоцкого-Щенского “семейством польских Атридов”, не менее преступных, чем их античные прообразы. Он вспоминает по этому поводу историю семьи Борджиа, нравы которой были обычны в Польше эпохи её распада, во многом близкой к средневековой Италии с её вожделениями и злодеяниями. Он называет третью жену Станислава-Феликса, т. е. Софью Витт, “новой Федрой”, затмившей... знаменитую героиню Эврипида и Расина».

Разумеется, «преступность» семьи Потоцких, заключающаяся на самом деле лишь в их русофильстве, не такой уж большой грех, по крайней мере, не хуже прозападное других семейных польских кланов.

Сегодня польские историки дружно не любят Потоцкого-Щенского, не без оснований считая его преданным сторонником России, а потому и изменником независимой Польши. Поэтому, читая характеристики, даваемые современными польскими историками Щенскому, надо понимать их необъективность и предвзятость.

До сих пор в польских учебниках истории значится, что ценой присоединения Польши к Российской империи Екатериной II якобы стала красавица-гречанка Софья Витт. Свидетельствует польский биограф: «У нас в руках почти доказательство того, что мадам Витт выступила здесь в роли политического агента, кокетством склоняя колеблющегося Потоцкого принять предложение “северной союзницы”. На человека с небольшим умом слишком много было рас-

ставлено здесь сетей... а тут ещё самая красивая женщина, ангел или сатана во плоти, вешается ему на шею, нашептывая сладкие слова любви, и, со свойственной восточным наукам образностью, рисует ему будущее счастье его отечества, а его самого в этом отечестве – первым гражданином, может быть, королем, которого благословят подданные». При всем уважении к Софье де Витт и её красоте, все же наивно полагать, что Польша обошлась России столь дешево, и всё было так просто.

Как бы то ни было, но именно маршал конфедерации вельможный пан Станислав Потоцкий подписал акт конфедерации, решив судьбу Польши, что означало полный передел её границ и ввод русских войск для поддержания порядка. Польша потеряла свою независимость, которую, впрочем, не слишком и стремилась в тот момент отстаивать. На церемонии подписания акта конфедерации присутствовала и одна из виновниц сего исторического события – Софья де Витт.

Вот одна из типичных польских биографий Щенского: «Окруженный с детства гувернерами, Станислав так и не смог одолеть вершины никаких наук в силу тупоумия. Во время эпидемии холеры Станислав был отправлен в путешествие. 18-летний юноша встретился с дочерью помещика Комаровского Гертрудой. Девушка была хорошо воспитана, начитана, умна, довольно красива. Между молодыми людьми завязался роман. Визиты участились. Гертруда забеременела. Родители Гертруды склонили Потоцкого к женитьбе. Состоялось тайное венчание пары. Но “тайна” разнеслась по всей округе. Разгневанный граф заставил сына разорвать этот брак, а с Гертрудой решили жестоко расправиться. Ватага казаков под видом грабителей напала на дом Комаровских и схватили Гертруду. Потоцкие планировали упрятать её в монастырь, но по дороге встретился обоз чумаков, и, чтобы заглушить крик Гертруды, бандиты набросили на неё подушки, под которыми она и задохнулась. Труп выбросили в прорубь. Весной он всплыл, родители подали в суд, но кто мог тягаться с могущественным родом Потоцких! Станислав был потрясен. Родители отправляют сына за границу. Но он пробыл там недолго, ибо почти одновременно ушли из жизни его отец и мать. Так Станислав стал единственным наследником несметных богатств.

Станислав стал мужем Жозефины-Амалии Мнишек, представительницы древнего аристократического рода. Жили в Тульчине. За 23 года супружества она родила 11 детей: 7 дочерей и 4 сына, но не все от Потоцкого. Станислав в политике разбирался слабо, поддавался под чужое влияние. Оказался на стороне вражеской оппозиции, был отвергнут друзьями и покончил с политической деятельностью. В Яссах он познакомился и увлекся Софьей. Красавица пустила в ход все свои чары. Жозефина все узнала, но не придала этому особого значения. Но вот появляется в Петербурге муж и просит развод, на что она не соглашается. Софье тоже не удалось расторгнуть свой брак. Влюбленные уезжают в Гамбург. Здесь их тоже встретило общественное презрение. Появилась нужда и в материальных средствах, так как Жозефина прекратила высылать деньги. По величайшему разрешению царицы, “семья” возвращается на родину. Но де Витт не расторгает брак, как и Жозефина. Положение нелегкое, имеется двое детей от Потоцкого (Константин, Николай). Софья пишет письма, в которых заверяет в своей любви и верности, ловко играя на чувствах мужа. В них ложь, лицемерие. Ей уже 36 лет. Она едет в Умань, чтобы не потерять Потоцкого.

Более двух миллионов злотых пришлось заплатить де Витту за Софью, за то, чтобы 17-летний брачный союз между Софьей и Иосифом был расторгнут. Это был 1796 год. Но вымогательством де Витт продолжал заниматься до конца своих дней.

Обосновавшись в Тульчине с Софьей, Потоцкий продолжал удовлетворять все её прихоти. В это время и был задуман парк в дар Софье. Руководителем строительства парка был назначен военный инженер Метцель. Он разработал оригинальный художественно-архитектурный комплекс парка в «пейзажном стиле».

Однако с уникальным парком у Софьи были связаны не только прекрасные воспоминания первого периода жизни с Потоцким, но и трагические. Под усеченной Колонной Печали в парке были похоронены трое детей: Константин, Гелена и Николай, которые умерли почти одновременно во время эпидемии оспы. В 1798 году Софья родила Александра. Однако несмотря на все усилия, ей никак не удавалось стать законной женой Потоцкого. Жозефина упорно не давала развода неверному мужу. Помог в этом деле старший сын Потоцкого и Жозефины – Юрий. Он служил при дворце в Петербурге и вел откровенно разгульный образ жизни. Бесконечные долги покрывались из отцовских доходов. Когда на этой почве между сыном и отцом возник серьезный конфликт, Софья сумела примирить отца с сыном и обеспечить последнему необходимое денежное содержание. Впрочем, все это сделала Софья не бескорыстно, а при условии, что сын уговорил свою мать согласиться на развод. В утешение для брошенной жены гетман добился ей ордена Святой Екатерины 1-й степени и звания статс-дамы Императорского двора. Что ж, и здесь Софья оказалась на высоте. В 1798 году 23-летний брак между Жозефиной и Потоцким был окончательно расторгнут. В этом же году в предместье Тульчина Софья обвенчалась со Станиславом, став отныне графиней Потоцкой.

После долгожданной свадьбы Потоцкие предались неумемному веселью и развлечениям. В залах Тульчинского дворца не умолкала музыка, частыми стали балы, маскарады, увеселительные прогулки. Жозефина умерла. Единственным искренним другом Софьи, из детей Потоцкого от первого брака, был Юрий, который поселился в Тульчине, так как был разжалован государем Павлом I и выслан из Петербурга за разгульный образ жизни.

От брака с Потоцким Софья имела ещё двух дочерей-погодков – Софью и Ольгу. Как известно, гетман велел назвать одну из дочерей в честь своей супруги. Дочери гетмана от брака с Софьей де Витт – одни из героинь нашего повествования.

Уже в отрочестве Софья и Ольга считались признанными красавицами, хотя современники и считали, что Потоцкий несколько «подпортил» породу, и дочери даже в расцвете юности проигрывали рядом с ошеломляющей красотой своей матери. Девочки получили прекрасное образование, их готовили для замужества за первых вельмож Российской империи, а потому, как и Иоганн де Витт, Софья и Ольга воспитывались с любовью к России и ко всему русскому. Едва девочкам минуло шестнадцать, как они были привезены в Санкт-Петербург и представлены высшему свету. Красота, юный возраст, прекрасные манеры и богатство отца привлекли к сестрам самое пристальное внимание потенциальных женихов. Однако окончательный выбор будущих мужей для дочек оставил за собой отец.

В начале пути

О точном месте рождения Иогана де Витта данных нет. В биографии нашего героя сказано лишь то, что он родился во время заграничного путешествия супругов и год его рождения – 1781-й. Учитывая, что большую часть времени супруги де Витт провели в Париже, скорее всего, именно там и появился на свет их сын. В 1782 году супруги возвратились в Каменец, где и прошло детство Иогана.

После разрыва матери с Иосифом де Виттом Иоган остался с матерью, хотя во время её знаменитого романа с Потемкиным жил при гувернере и няньках. Известно, что Софья де Витт тайком от отца перекрестила в Херсоне своего сына в православную веру. Отныне бывший Иоган стал Иваном. Когда Софья де Витт вышла замуж за Потоцкого, она немедленно забрала сына к себе. У отчима с пасынком сложились хорошие отношения, и гетман заботился об Иване как о родном сыне. Впрочем, жизнь Ивана в имении Потоцкого продолжалась всего несколько месяцев. Дело в том, что после третьего раздела Польши Варшава надолго стала российским городом, а потому вся польская аристократия сразу же кинулась искать счастья и карьеры у порогов петербургских дворцов. Не стала исключением и семья гетмана Потоцкого. 17 февраля 1792 года десятилетний Иван де Витт был записан на военную службу со званием корнета, оставаясь при этом жить с матерью.

К Ивану де Витту применимо все то, что писал по этому вопросу историк В.В. Болотов в 1875 году, основываясь на мемуарах XVIII века: «Иногда малейшие дети включались в действительную службу, и чтоб им почти от рождения шло старшинство, и чтоб можно было, через происки, потом самих ребятишек брать в выпуск капитанами. Что же касается до взрослых, то и из них большая часть вовсе не служила, а все жили по домам и либо мотали, вертопрашничали, буянили, либо с собаками по полям только рыскали, да выдумывали моды и разнообразные мотовства; однако, не смотря на то, ещё скорее доставали себе либо поручичьи, либо капитанские чины, и, будучи сущими ребятишками и молокососами, выпускаемы в сих чинах в армейские полки, перебивали у действительно служащих линию и старшинство». Было таких офицеров нажаловано столько, что «не знали, куда с ними деваться...»

Одновременно с Иваном был записан корнетом в гвардию и его сводный брат Станислав Потоцкий.

В августе 1796 года Софья Витт-Потоцкая привезла пятнадцатилетнего Ивана в столицу. К этому времени его отец получил графское звание, которое унаследовал и сын. Именно тогда де Витт официально меняет своё имя Иоган на Ивана, а по отцу решает именоваться не Иосифовичем, а Осиповичем. Так в российской столице появляется молодой граф Иван Осипович де Витт, прибывший делать карьеру в гвардии.

Молодой граф был принят на службу в Конногвардейский полк. Для этого у него были все данные: хороший рост, отличная выправка и, что особо важно, немалые средства, которые были непременно нужны, чтобы быть настоящим конногвардейцем, то есть достойно содержать себя и вести соответствующий образ жизни. В 1796 году вместе с полком де Витт участвует в траурных церемониях при кончине императрицы Екатерины II.

До 1796 года лейб-гвардии Конный полк был единственным регулярным кавалерийским полком в русской гвардии. В большинстве источников отмечается, что впервые полк участвовал в боях лишь в 1805 году. Однако это заблуждение. Первое участие в боевых действиях Конный полк принял ещё в 1737 году, когда три из десяти эскадронов полка сражались при взятии Очакова и в битве при Ставучанах в ходе Русско-турецкой войны 1737–1739 годов.

В павловскую эпоху лейб-гвардии Конный полк имел обмундирование, вооружение и конный убор по образцу армейских кирасирских полков. По воинскому уставу 1796 года и табелю от 1798 года де Витту были положены: перчатки, треугольная шляпа с султаном, плащ,

фуражная шапка, китель, палаш с темляком, португез, шашка, кушак, кираса (окрашенная в черный цвет), карабин, погонная перевязь, лядунка и пара пистолетов, колет из палевой кирзы, с застежкой на крючках, суконный камзол, белые лосины и высокие ботфорты с накладными шпорами.

Год 1796-й занимает особое место в российской истории. Со смертью Екатерины II заканчивается «золотой век дворянства», а заодно с ним – и период женских царствований в России. Павел I сразу же начал своё царствование с наведения порядка в собственной гвардии, которая при его матушке жила весьма вольготно и настоящей службой себя не слишком утруждала.

Уже 29 ноября 1796 года, то есть через три недели после воцарения Павла, появились воинские уставы о конной и пехотной службе. Положение гвардии переменялось разительно. Полковой адъютант Измайловского полка Е. Комаровский так писал о тех днях: «Образ жизни наш, офицерский, совершенно переменялся. При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрутов». Непривычные, невиданные ранее тяготы службы вызвали массовые отставки.

Историк пишет: «Неродовитые, разумеется, в сравнении с петербургскими, офицеры, среди которых было много выходцев из Германии, Курляндии, Украины (именно к последним относился и корнет де Витт. – В.Ш.), делали зачастую более быструю и значительную карьеру, чем гвардейские старожилы. Всеобщее презрение вызывали новые уставы. В первую очередь за их сходство с прусскими уставами... Введенные Павлом изменения в армии, вплоть до нового мундира, провоцировали раздражение и озлобление».

В течение первых нескольких недель после введения новой прусской формы и ужесточения дисциплины около семидесяти офицеров-конногвардейцев оставили полк. Из ста тридцати двух офицеров, бывших в Конногвардейском полку в 1796 году, лишь двое остались в нём к марту 1801 года. Фактически полк был развален, и его предстояло формировать заново. Честно говоря, Ивану де Витту, который только что поступил на службу и не вкусил всех прелестей старой гвардейской жизни, просто не с чем было сравнивать свою только что начавшуюся службу. А потому никаких оснований для ухода со службы у него не было. Кроме того, сделать такой опрометчивый шаг ему не разрешили бы ни мать, ни отчим. Из-за того что в Конногвардейском полку демонстративно покинули службу более половины офицеров, там сразу же появилось много вакансий, которые заполнялись из других полков. Павел I был весьма зол на покинувших полк фрондеров, но одновременно весьма благосклонен к тем офицерам, кто остался в нём служить.

К чести гетмана Потоцкого-Щенского, он весьма неплохо относился и к своему приемному сыну Ивану. По крайней мере, денег на его образование и карьеру не жалел. Немалые деньги выделял сыну и его отец граф де Витт. Молодой граф получил неплохое образование, в совершенстве знал основные европейские языки: русский, польский, французский, голландский, немецкий, греческий и даже турецкий, что весьма пригодилось ему в дальнейшем. Заслуга в изучении языков всецело принадлежала его матери. Будучи весьма склонной к изучению иностранных языков (по некоторым сведениям, Софья Витт-Потоцкая знала семь европейских языков), она сумела обучить им и своего старшего сына. Кроме того, с юных лет де Витт был введен матерью и отчимом и в высшие круги польской аристократии, где обрел множество полезных знакомств, а потому вполне мог рассчитывать на прекрасное будущее.

Служба в Конногвардейском полку при Павле I действительно была нелегкой. Парады и дежурства, караулы и маневры сменяли друг друга постоянно. Помимо этого много времени и нервов отрывали ежедневные разводы и вахтпарады. Император лично участвовал во всех разводах и вахтпарадах гвардии, мельчайшие стороны армейского быта не ускользали от его пристального и пристрастного внимания. А новшества сыпались на гвардейских офицеров каждый день.

Гвардия и армейские полки вскоре получили новый мундир по прусскому образцу, штиблеты, парик с буклями и косой, и прочее. Павловский мундир, в отличие от екатерининского (122 рубля), стоил не более 22 рублей. меховые шубы и дорогие муфты были запрещены вовсе. Под мундир разрешалось надевать фуфайки или подбивать его мехом. Новый воинский устав запрещал офицерам делать долги, занимать деньги и брать товары в кредит. В противном случае полковой командир обязан был уплатить долг, вычитая деньги из офицерского жалованья. Если долг оказывался слишком большим, офицера надлежало посадить под арест, а все его жалованье поступало кредиторам и займодавцам. Все эти полезные меры вызывали резкое и однозначное неприятие со стороны гвардейцев.

На изменении настроений в армии сказалась, прежде всего, возросшая тяжесть службы. Теперь каждый офицер персонально отвечал за своё подразделение: бесконечные смотры и вахтпарады, контролировавшие выучку солдат, могли закончиться неприятностями вплоть до ареста и исключения из службы. Прекратились тянувшиеся годами отпуска офицеров. Было покончено с практикой записи дворянского недоросля в полк, когда к своему совершеннолетию он достигал уже офицерского чина. Таких дворянских детей, числившихся в армии, регулярно получавших чины и награды, но реально не служивших, было исключено со службы более полутора тысяч человек. Можно сказать, что де Витту сильно повезло, и он был одним из последних дворянских отпрысков, кто успел воспользоваться старым законом и просидеть четыре года дома в корнетском чине.

Служба в Конногвардейском полку у де Витта протекала вполне успешно. Уже в августе 1798 году он был произведен в подпоручики. Следующий, 1799 год вообще стал для восемнадцатилетнего офицера звездным. В апреле его производят в поручики, а в октябре – уже в штаб-ротмистры. Думается, что здесь сыграла свою роль и знаменитая фронда конногвардейских офицеров. Некомплект офицерского состава полка надо было срочно ликвидировать, и толковую молодежь активно продвигали вперед. Одновременно был переведен в полк и ряд армейских офицеров, для которых этот перевод был огромной удачей в жизни. Эти меры привели к тому, что вчера ещё самый оппозиционный полк гвардии стал одним из самых преданных императору.

Разумеется, стремительный рост в чинах трудно объяснить какими-то выдающимися достоинствами молодого графа. Вполне возможно, что де Витт отличился на каком-нибудь очередном вахтпараде и был отмечен императором Павлом I, который прямо на месте производил в очередной чин отличившихся и карал провинившихся. Однако, скорее всего, причина крылась совсем в ином. Павел I был крайне заинтересован в лояльности польской аристократии. С момента Русско-польской войны 1792 года прошло совсем немного времени, и старые обиды поляков были ещё очень свежи. Как мы уже знаем, Потоцкий-Щенский являлся как раз лидером прорусской партии, поэтому в Петербурге его ценили особо. Стремительная карьера пасынка вполне могла быть одним из знаков признательности российского императора к отчиму. Кроме того, весьма вероятно, что не осталась в стороне от карьеры сына и его мать Софья, которой не составляло особого труда уговорить любящего мужа отписать в столицу письмо с просьбой о производстве пасынка в очередной чин. Разумеется, отказать Потоцкому в такой малости Павел I тоже не мог.

В январе 1800 года де Витта внезапно переводят из Конногвардейского в Кавалергардский полк. Почему? Полки того времени представляли собой достаточно замкнутые сообщества со своими традициями и правилами, а потому переходы офицеров из полка в полк были делом не частым.

История кавалергардов начиналась с коронации императрицы Екатерины I в 1724 году, когда в качестве её почетной стражи был сформирован Кавалергардский корпус. С течением времени это формирование, комплектовавшееся из представителей знатных российских фамилий, видоизменялось, распускалось и образовывалось снова. Главной задачей кавалергардов

была охрана дворцов и царствующих особ. Но новый император посмотрел на это дело иначе. Уже 11 января 1800 года Павел I переформировал Кавалергардский корпус в 3-эскадронный лейб-гвардии Кавалергардский полк, на одинаковом положении с другими гвардейскими полками, причем без сохранения привилегии набора офицеров исключительно из дворян. Отныне бывшие преторианцы становились обыкновенным конным полком, хотя и гвардейским. Это сразу же вызвало демарш старых кавалергардов, которые демонстративно коллективно начали выходить в отставку, как ранее сделали их товарищи конногвардейцы. Освободившиеся вакансии были немедленно заполнены офицерами других гвардейских полков. В число таковых попал и де Витт. Чтобы в кратчайшие сроки создать из кавалергардии нормальный полк, помимо офицеров Павел I лично отобрал из лейб-гвардии Конного полка 7 унтер-офицеров, 5 трубачей, 249 рядовых. Их присоединили к прежним кавалергардам. Так, собственно, и возник Кавалергардский полк. Почти одновременно командиром всей гвардейской кавалерии был назначен граф Пален, он же занял пост инспектора тяжелой кавалерии.

Вместе с другими офицерами, доказавшими свою преданность, Павел I вскоре награждает де Витта орденом Святого Иоанна Иерусалимского, одной из наград, учрежденных императором – магистром Мальтийского ордена. За что получил награду де Витт, нам неизвестно. Вполне возможно, что это было сделано, опять же, в угоду отчиму. Но, может быть, дело было не только в этом. Разумеется, никаких воинских подвигов за графом пока не было, зато он честно и старательно служил. На фоне массовой гвардейской оппозиции для Павла это уже значило немало. Как бы то ни было, но император лично знал молодого графа де Витта, следил за его службой и, несомненно, благоволил к нему.

Переформирование Кавалергардского полка Павлу I до конца завершить так и не удалось, и подавляющая часть кавалергардских офицеров, помнивших свои недавние дворцовые привилегии и веселую беззаботную жизнь, были по-прежнему настроены к императору откровенно враждебно. Прямо противоположная ситуация сложилась в Конногвардейском полку, где все оппозиционеры были уже изгнаны, а вновь прибывшие офицеры полностью поддерживали императора. Именно поэтому к чести конногвардейцев из всей гвардии только офицеры этого полка не оказались замешанными в убийстве Павла I.

11 марта 1801 года эскадрон лейб-гвардии Конного полка, которым командовал полковник Саблуков, должен был выставить караул в Михайловском замке, где проживал император Павел со всем семейством. Полк имел во дворце внутренний караул, состоявший из 24 рядовых, трёх унтер-офицеров и одного трубача. Он находился под командой офицера и был выстроен в комнате, перед кабинетом императора, спиной к ведущей в него двери. Дежурным по караулу в этот день был корнет Андреевский.

Через две комнаты был расположен другой внутренний караул от гренадерского батальона Преображенского полка под командованием подпоручика Марина. Главный караул во дворе замка (а также наружные часовые) состоял из роты Семеновского полка. За день до этого по совету графа Палена (стоявшего во главе заговора), обвинившего конногвардейцев в «якобинстве», император удалил все эскадроны Конного полка (кроме эскадрона полковника Саблукова) из столицы.

Согласно выработанному заговорщиками плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца и в кабинет императора должен был дать адъютант гренадерского батальона Преображенского полка Аргамаков, которому, в свою очередь, должен был дать сигнал командир кавалергардов генерал граф Уваров, который в качестве доверенного генерал-адъютанта Павла I был дежурным во дворце в ночь с 11 на 12 марта.

Подпоручик Марин (будущий поэт), командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных императору гренадер Преображенского лейб-батальона. Верный императору полковник-конногвардеец Саблуков по приказу великого князя Константина Павловича также был отозван из дворца и назначен дежурным полковником по полку.

Семеновцы заняли все подходы ко дворцу и все его внутренние коридоры и проходы. Сигнал был подан, пьяные заговорщики (братья Зубовы, генерал Бенигсен и другие) ворвались в комнату императора, а затем Скарятин, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, снял висевший над кроватью собственный шарф императора и задушил его. Когда в комнату ворвались конногвардейцы, было уже поздно...

На следующий день под прикрытием кавалергардов во дворец прибыл великий князь Александр Павлович. Нижние чины и офицеры лейб-гвардии Конного полка отказались присягать Александру; лишь только когда им был показан труп Павла, присяга состоялась... Первые дни после воцарения нового императора офицеры Конного полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями.

Что касается де Витта, то он в перевороте никакого участия не принимал. В известных на сегодня списках заговорщиков его фамилии никогда не было. Да и не имел граф никаких личных причин таить обиду на своего императора.

По большому счету для кавалергардов де Витт был чужаком, присланным к ним для «оздоровления» из Конногвардейского полка, с которым у кавалергардов давно были весьма натянутые отношения. К моменту переворота де Витт находился в Кавалергардском полку всего три месяца и за это время, разумеется, ещё не смог стать своим. Кроме того, как известно, конногвардейцы считались (и на деле оказались) единственно до конца верными Павлу, тогда как кавалергарды, наоборот, были в первых рядах убийц императора. Думается, что служить в кавалергардах де Витту было нелегко и морально. Вряд ли у него было там много друзей, так как большинство офицеров полка считали его любимчиком императора и относились соответственно.

Как ни странно, но государственный переворот пошел де Витту на пользу. Уже 16 марта его снова производят в новый чин, на сей раз в ротмистры. Здесь, по-видимому, сыграли роль сразу два фактора.

Во-первых, в те дни получила повышения в чинах большая группа гвардейских офицеров, причем как принимавших непосредственное участие в перевороте, так и не принимавших. Новый император, таким образом, «рассчитывался» с гвардией за услуги по занятию трона.

Во-вторых, дав де Витту новый чин, Александр I сигнализировал его отчиму, что российская власть по-прежнему благосклонна к нему и ценит своего польского союзника. А награды продолжали сыпаться на молодого кавалергарда как из рога изобилия. В октябре этого же, 1801 года всего на двадцатом году от рождения де Витт производится в полковники и принимает под команду самый элитный и престижный 1-й эскадрон Кавалергардского полка. И все это – не участвуя ни в одном сражении и не покидая Петербурга! Принимая во внимание влияние Потоцкого-Щенского и старания матери, все же думается, что и сам Иван де Витт служил по-прежнему достаточно прилежно и старательно.

Биографы де Витта немного знают о его первых петербургских годах. Думаю, что не буду далек от истины, если предположу, что молодой красивый полуполяк-полугрек с прекрасным знанием французского языка и с прекрасными аристократическими манерами, умный и легкий по характеру, при этом ещё и очень богатый, был желанным гостем всех великосветских салонов и балов.

В кавалергардском полку существовала давняя традиция отмечать производство офицеров в новый чин своеобразным способом. Герой торжества нанимал похоронный катафалк, на который устанавливался гроб, доверху заполненный бутылками с шампанским. Вокруг гроба торжественно рассаживались участники праздника и начинали хором распевать похоронные песни, не забывая при этом опустошать содержимое гроба. Катафалк тем временем объезжал весь город. Периодически он останавливался, и тогда развеселые офицеры заставляли зазевавшихся прохожих пить вместе с ними. У нас нет информации, что де Витт участвовал в подоб-

ных мероприятиях. Однако у нас нет и никаких данных, что он в поездках на катафалке не участвовал.

Скорее всего, де Витт, как и всякий уважающий себя молодой кавалергард, веселился наряду со своими товарищами, восседая у гроба, забитого льдом и шампанским, и распевая печальные псалмы под грохот вылетающих пробок.

Однако обстоятельства заговора гвардейских офицеров против императора и его ужасная смерть, вне всяких сомнений, потрясли молодого де Витта. Он просто не мог не задуматься над тем, как легко горстка мятежников может переменить власть в такой великой державе, как Россия. Мы уже никогда не узнаем, о чём именно думал молодой граф, но о выводах его раздумий можем определить с определенной уверенностью – государственная власть должна уметь защищаться от подобных заговоров, и для этого нужны особые специально подготовленные люди. Как знать, может быть, именно после смерти императора Павла и начала выкристаллизовываться идея де Витта о секретной службе, действующей во благо России и стоящей на защите императора...

Но и это не все. Мы не знаем всех обстоятельств непринятия участия в заговоре против императора молодого де Витта, но именно тогда кавалергардский ротмистр на деле продемонстрировал свою безграничную преданность российскому престолу. Разумеется, на словах эту преданность демонстрировали все офицеры гвардии. Что касается де Витта, то он её доказал, причем в самый критический момент, в то время как для большей части гвардии участие в мятеже казалось не только и не столько благом для России, как возможностью обеспечить себе карьеру при новой власти.

Отметим, что достойное поведение де Витта не осталось незамеченным представителями правящей фамилии и было оценено по достоинству. Причем оценено не только вдовой покойного императора, но, как это, быть может, на первый взгляд покажется странным, и вступившим на престол Александром Первым. Последний прекрасно разбирался в людях, и преданный династии офицер был ему значительно ближе, чем те, кто ради карьеры только что поднялись на мятеж против его отца, а потом, как знать, быть может, при определенных обстоятельствах выступят и против него. Увы, но во все времена по-настоящему преданных людей не так уж и много...

Повторюсь, что никакой информации о конкретном поведении де Витта во время мятежа у нас нет, слишком незначительной был он тогда фигурой, чтобы попасть в анналы истории. Но то, что из офицеров, не участвовавших в заговоре, де Витт был выделен особо, наводит на определенные предположения. По авторской версии, молодой ротмистр вполне мог узнать о затеваемом свержении Павла от проговорившихся офицеров-кавалергардов, а узнав, предпринять попытку известить императора, а может, и наследника, о готовящемся перевороте, однако это ему не удалось. Возможно, де Витт был изолирован сослуживцами. И хотя, повторюсь, никаких исторических доказательств этому нет, последующие события в целом делают данную версию весьма правдоподобной.

Как бы то ни было, но отныне между Романовыми и де Виттом начинаются скрытые от большинства глаз особые отношения, которые во многом определяют его дальнейшую судьбу и продлятся до последних дней нашего героя. Но все это будет ещё впереди.

После событий 11 марта 1801 года де Витт недолго командовал своим 1-м кавалергардским эскадром. Уже в сентябре 1802 года его переводят в лейб-кирасирский Её Величества полк, где он принимает под своё начало эскадрон. Кирасиры Её Величества, хоть и пользовались правами гвардии, но к старой гвардии, как кавалергарды, уже не относились. Впрочем, это в известной мере компенсировалось тем, что шефствовала над полком лично вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Истинные причины перевода де Витта в лейб-кирасиры мне не известны. Предположу, что одной из таковых могло быть хорошее в прошлом отношение к де Витту со стороны Павла

И и, как мы уже говорили выше, его достойное поведение во время мятежа. Зная об этом, вдова императора и пожелала видеть в полку своего имени офицера, к которому в своё время благоволил её покойный супруг и который доказал свою преданность в кровавых событиях 1 марта. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Уже спустя несколько дней после смерти Павла I его вдова Мария Федоровна известила Александра I о намерении удалиться в Павловск. Тот спросил у неё, кого она хотела бы видеть в качестве своей охраны. Императрица отвечала: «Я не выношу вида ни одного из полков, кроме Конной гвардии». Тем самым она подчеркнула свою любовь к офицерам-конногвардейцам, оставшимся до конца верными её мужу. Что касается де Витта, то он, хотя и носил мундир кавалергарда, по своему настрою и поведению оставался именно конногвардейцем.

Любопытно, что эскадрон конногвардейцев, отправлявшийся в Павловск, по особому повелению Александра (с подачи, разумеется, его матери) был снабжен новыми чепраками, патронташами и пистолетными кобурами со звездой ордена Святого Андрея Первозванного, имеющей надпись: «За Веру и Верность». По воспоминаниям полковника Саблукова, «эта почетная награда, как справедливая дань безукоризненности нашего поведения во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затем распространена на всю конную гвардию. Кавалергардский полк, принимавший столь деятельное участие в заговоре, был чрезвычайно обижен, что столь видное отличие дано было исключительно нашему полку. Генерал Уваров горько жаловался на это, и тогда государь, в виде примирения, велел дать ту же звезду всем кирасирам и штабу армии, что осталось и до настоящего времени».

Думаю, что после событий 11 марта и сам де Витт не испытывал особого желания продолжать службу в Кавалергардском полку, чуждому ему по духу и нравам. Скорее всего, он с удовольствием согласился переменить место службы. Будучи человеком умным, де Витт просто не мог не понимать, что вдовствующая императрица Мария Федоровна всегда будет иметь большое влияние на своего старшего сына-императора, а потому служить в полку её имени и пользоваться её личным расположением гораздо перспективнее, чем прозябать среди чужаков кавалергардов.

В отличие от кавалергардского полка, атмосфера лейб-кирасир Её Величества была более простая, почти домашняя. Здесь помнили и чттили убитого императора, здесь царил настоящий культ его супруги.

Пусть старомоден белый наш колет;
Пускай кираса уж не сдержит пули —
Короне нас вернее нет,
За Государыню наш вздох последний будет!

Лейб-кирасирский Её Величества полк изначально назывался драгунским Портеса полком, а затем Невским драгунским. Боевое крещение полк получил осенью 1705 года в составе кавалерийского отряда князя Меншикова в бою под Прагой. Впоследствии полк принимал участие во всех крупных битвах Северной войны — у Калиша, при Лесной, под Полтавой, был в Курляндии, Померании, Голштинии, Дании, участвовал в подавлении восстания Кондратия Булавина.

В 1733 году в русской армии начинают формировать кирасирские полки — главную ударную силу кавалерии. Невскому драгунскому полку выпала особая честь — он стал не просто кирасирским, а лейб-кирасирским, то есть шефом его стала сама императрица Анна Иоанновна. Императрица считалась полковником полка, а его командиры именовались вице-полковниками. Впоследствии императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II также были шефами и полковниками полка. При этом нужно отметить, что он не входил в состав гвардии, а был армейским полком, но имевшим особую привилегию — шефство высочайших особ.

В 1796 году шефом полка была назначена супруга Павла – императрица Мария Федоровна. В 1798 году полк выступил из России за границу и принял участие в кампании 1799 года в Швейцарии. 26 сентября 1799 года три эскадрона полка приняли участие в бою у деревни Шлатте – последнем сражении на берегах Рейна. В марте 1800 года полк вернулся в Россию и, по существу, являлся в то время единственным из привилегированных полков тяжелой кавалерии, имевшим боевой опыт.

В октябре 1798 года в знак особого расположения к полку Павел I пожаловал ему на чепраки и чушки шитые серебром восьмиконечные звезды с двуглавым орлом в центре. Отметим, что кирасиры Её Величества были единственным полком, имевшим с 1801 года серебряные кирасы, тогда как во всех других кирасирских полках они были отменены и вновь введены (но уже стальные) только в 1812 году. Это был знак высшего благоволения со стороны Павла I.

Немного позднее из-за синего цвета приборного сукна за лейб-кирасирами Её Величества навсегда закрепилось прозвище «синие кирасиры». Как и в других привилегированных полках, у лейб-кирасир Её Величества были свои традиции. Так, нижние чины полка комплектовались, как правило, из высоких красивых брюнетов. По возможности и офицеры полка тоже должны были быть брюнетами, так что и по внешнему виду де Витт полностью соответствовал «стандартам» лейб-кирасир. Общая полковая масть коней полка была рыжей, и только у трубачей – серой. В 1-й эскадрон входили золотисто-рыжие кони, во 2-й – рыжие белоногие с проточиной, в 3-й – рыжие со звездочкой, и в 4-й – темно-рыжие и бурые. Каким из этих эскадронов командовал де Витт нам в точности не известно.

Любили лейб-кирасиры и выпить. Недаром в одной из полковых песен пелось:

Не бояться вина количества
Кирасиры Её Величества!

В том же лейб-кирасирском Её Величества полку при Иване начал службу поручиком и его младший сводный брат – Станислав Потоцкий. Отношения между братьями были прекрасными, и они не только вместе служили, но и вместе проводили время вне службы.

Одно из главных отличий службы в гвардии от службы в обычных армейских полках – это огромное количество всевозможных празднеств и парадов, в которых приходилось участвовать гвардейцам. Петербургские парады вообще занимали заметное место в жизни города и своим количеством, и красотой. Парады были полковые или всего гвардейского корпуса, по случаю смены караулов и дворцовые, в связи с большими праздниками или важнейшими событиями в жизни империи, столицы, императорской фамилии. Эти церемонии запечатлены на многочисленных гравюрах и картинах. Чаще всего военные команды и музыка оглашали просторный Царицын луг, ставший со времени Павла I в полном смысле Марсовым полем, как в Париже. Здесь проводились многочисленные военные учения.

С начала XIX века военные парады стали устраивать в память о различных исторических событиях. Так, 16 мая 1803 года столица торжественно «возобновила память об основателе сего града...» Гвардейские полки прошли маршем по Английской набережной к Сенатской площади. Во главе колонн был молодой государь – Александр I, который при прохождении мимо Медного всадника «изволил ему салютовать, чему последовали все войска». В этом параде участвовал со своим эскадроном и Иван де Витт.

Важным элементом военного быта гвардейских полков, расквартированных в Петербурге, было соперничество. Мы уже говорили о весьма сложных отношениях между офицерами Кавалергардского и Конногвардейского полков, которые длились не один год. Соперничество между полками находило порой самые разные формы выражения. На поле боя полки гордились своей доблестью, на походе – выносливостью. В мирное время соперничество было на скачках и в дружеской попойке, а порой решалось и на дуэлях.

У гвардейцев, как и в каждой уважающей себя корпорации, был свой жаргон. Вот некоторые характерные его образцы, автором которых был командир лейб-гвардии Уланского полка граф Гудович: «сушить хрусталь» – пьянствовать, «попотеть на листе» – играть в карты. Широко использовали, к примеру, термин «хрипун» для обозначения военного шеголя, затянутого в корсет. Все это составляло жизнь и де Витта.

Однако помимо всего этого молодой полковник серьёзно занимался совершенно иными, казалось бы, совершенно чуждыми гвардейцу, делами. Всё свободное время де Витт уделяет изучению устройства иностранных армий, их особенностей и уставов. Военная разведка в то время ещё не была до конца сформирована, но тот факт, что де Витт уже тогда отдавал предпочтение именно секретной службе, сомнений не вызывает. Одновременно молодой полковник становится завсегдатаем великосветских салонов. Имя, связи и деньги открывали ему все двери. Вскоре о красавце полковнике стали говорить как об умном и многообещающем молодом человеке. Почтенные мамы обратили на него взор как на перспективного жениха. Но Иван де Витт и не помышлял об этом. Мир салонов, интриг и скоропалительных любовных связей, мир сплетен и закулисных дел пришелся ему столь по душе, что вскоре он чувствовал себя там как рыба в воде. Кровь матери влекла молодого графа к невероятным приключениям и самым рискованным авантюрам. Современники отмечают, что в ту пору у графа было немало романов. Впрочем, у кого из гвардейских офицеров их не было?

В 1805 году для Ивана де Витта начинается новая глава его жизни: полк выступает за границу, на этот раз в Австрию. Началась война с наполеоновской Францией, и молодому полковнику предстояло получить своё боевое крещение на поле брани.

Говоря об участии лейб-кирасиров Её Величества в кампании 1805 года, необходимо сказать следующее. В отличие от легкой кавалерии (гусар, драгун и уланов), которая предназначалась для разведки, несения дозоров, лихих рейдов по тылам противника и его преследования после выигранного сражения, тяжелая кавалерия (конногвардейцы, кавалергарды и кирасиры) предназначалась для пробития неприятельской обороны. Рослые всадники в броне с тяжелыми палашами на огромных конях должны были в тесном строю проламывать вражеские порядки.

По существовавшему в ту пору уставу тяжелой кавалерии, неприятеля следовало атаковать только сомкнутым «железным» строем, а уже для преследования, не выдержавшего натиска врага, использовалась «рассыпная атака». По команде: «Рознь! Марш! Марш!» следовало «каждому кирасиру не держать ни линии, ни шеренги, а ехать вперед». Стреляли и рубили до тех пор, пока сигнал «Аппель» не заставлял прекратить преследование и, не мешкая, собираться к своему штандарту. При этом своё место в шеренге можно было не отыскивать, но желательно было найти свою шеренгу (первую или вторую). Место сбора определялось по штандарту, для прикрытия которого всегда оставались с обеих сторон по три ряда кирасир с командиром 3-го взвода, а также замыкающий офицер и трубачи.

Кирасиры были главной ударной силой армии, от которой зачастую зависел конечный исход генерального сражения. Подготовка и снаряжение кирасир стоило очень дорого, а потому их никогда не бросали в бой, как все другие полки, а берегли «как зеницу ока» для нанесения решающего смертельного удара противнику. Именно поэтому боевых дел у кирасиров, как правило, бывало намного меньше, чем у их коллег гусар и уланов. Весьма нечасто выпадало кирасирам драться с неприятелем во время многочисленных войн с Турцией. Там для них просто не было достойного противника, так как турки не имели тяжелой кавалерии, и драгуны с казаками вполне справлялись с их иррегулярной конницей. Однако в войнах с европейскими регулярными армиями кирасиры были просто необходимы. И если кирасиры уж шли в свою решающую атаку, то эта была стальная лавина, которая сметала все на своем пути. Остановить этот всепокрушающий напор мог только ответный удар такой же тяжёлой конницы. В этом слу-

чае встречное сражение становилось настоящим полем брани рыцарских времен, когда, закованные в железо, огромные всадники крушили друг друга своими тяжелыми палашами.

Кампания 1805 года была несчастливой для русского оружия. В кровопролитнейшем и несчастливом для русской армии сражении при Аустерлице лейб-кирасиры приняли самое активное участие. Полк не раз ходил в атаки, а затем весьма успешно прикрывал отступление нашей разбитой армии, находясь в её арьергарде.

Полковник Иван де Витт при Аустерлице был контужен в правую ногу близко разорвавшимся ядром. Граф Ланжерон, участвовавший в том же сражении, впоследствии писал в своих мемуарах, что «Витт со своим полком удалился с поля сражения как раз в то время, когда его присутствие там было необходимо». При этом, по словам того же Ланжерона, «Витт только притворялся, что был контужен». Обвинения достаточно серьезные, однако не без натянутости.

Во-первых, де Витт не мог «со своим полком удалиться с поля сражения» хотя бы потому, что он в то время никаким полком не командовал, а был всего лишь командиром одного из эскадронов. Командиром же лейб-кирасир Её Величества в день Аустерлица был генерал-майор Д.М. Есипов, чьи действия в сражении были оценены как правильные и храбрые. После тяжёлых потерь кавалергардов и конногвардейцев именно лейб-кирасиры Её Величества остались практически последним конным резервом русской армии. Именно поэтому их и не бросили в пекло боя, а использовали уже в самом конце сражения для прикрытия отхода разбитой армии. Один только вид сомкнутых и готовых к контратаке кирасирских эскадронов быстро привел в чувство преследовавших нашу армию гусар и драгун Наполеона. Удара вымученных кирасирских эскадронов легкая кавалерия не выдерживала никогда. А потому, предприняв несколько бессвязных попыток прорваться мимо, французская конница откатилась.

Обвинение Ивана де Витта в притворстве во время Аустерлица тоже весьма натянуто. Зачем ему было притворяться, когда он так и не убыл в обоз, а до конца кампании оставался в арьергарде армии со своим полком и принимал самое активное участие в ретирадных столкновениях с французами? Что касается самого Ланжерона, то он никогда не принадлежал к кругу друзей де Витта, а в будущем (в так называемый «одесский период» жизни нашего героя) вообще, будучи далеко не рядовым масоном, считался одним из главных его недоброжелателей. Но об этом речь ещё впереди.

В конце 1806 года после окончания кампании с французами лейб-кирасирский Её Величества полк был отправлен в состав Молдавской армии, в связи с начавшейся очередной войной с турками. В больших сражениях «синим кирасирам», впрочем, поучаствовать на той войне не довелось. Лейб-кирасир, как обычно, берегли как ударный резерв главнокомандующего, хотя в нескольких небольших стычках они все же приняли участие. Но полковника де Витта в рядах полка к тому времени уже не было.

Впоследствии в 1812 году лейб-кирасирский полк императрицы входил в состав кирасирской дивизии 1-й армии Баркляя-де-Толли. Не раз дым сражений Отечественной войны и заграничного похода обвевал штандарты полка. Полоцк, Бородино, Красный, Люцен, Кульм, Фер-Шампенуаз, Париж – вот основные боевые вехи истории полка в эпоху Наполеоновских войн. За боевые отличия в Отечественную войну полк получил 19 Георгиевских серебряных труб.

Итак, боевое крещение нашего героя состоялось. Увы, началось оно в самой трагичной для русского оружия кампании за предшествующее столетие. Впрочем, говорят, что трудности и неудачи в начале пути лишь закаляют того, кто невзирая ни на что идет к своей цели. Именно так случилось и с полковником Иваном де Виттом.

Тайный агент Наполеона

Крайне любопытно, что с началом мирных переговоров Александра I с Наполеоном полковник де Витт был отозван из своего полка в Тильзит. Для чего же он там понадобился? Никаких особых подвигов де Витт на тот момент не совершил. Не было у него пока и никаких заслуг на политическом и других поприщах. Однако вызов молодого полковника в Тильзит, думается, случайностью не был. Дело в том, что в окружении Наполеона находилось тогда много поляков, которые, постоянно интригуя против России, оказывали определенное влияние на французского императора. Чтобы хоть немного противостоять польской партии во французском лагере, Александру нужен был в своем окружении молодой, энергичный и боевой офицер-поляк, причем представитель высшей польской аристократии. Лучшим кандидатом на эту роль, несомненно, был граф де Витт – пасынок польского гетмана Потоцкого.

Чем в точности занимался в Тильзите граф, история нам свидетельств не оставила. Не слишком ещё важной персоной он был к тому времени. Однако нетрудно предположить, что одной из задач де Витта было установление личных контактов с польскими легионерами Наполеона, среди которых было немало его личных знакомых, а может, и друзей детства. Немудрено, что польские офицеры приняли де Витта как своего. Совместные беседы и прогулки, обеды и ужины – именно там можно было узнать многое из того, что никогда не звучало на официальных встречах. Думается, что молодой граф блестяще выполнил данное ему поручение, и император Александр не пожалел, что его выбор пал на этого офицера. Именно за это говорят стремительно следовавшие сразу же за Тильзитом перемены в судьбе де Витта. А перемены произошли, на первый взгляд, весьма странные...

Сразу же после заключения Тильзитского мира между Францией и Россией де Витт отбывает в Подолию, где тогда был расквартирован его лейб-кирасирский полк. Там он внезапно для всех выходит в отставку и спешно выезжает в Вену. По поводу столь непонятного поступка молодого офицера говорили тогда разное. Еще бы, ведь перед де Виттом открывалась блестящая карьера, а он вдруг ни с того ни с сего выходит в отставку! В официальной биографии нашего героя значится, что он оставил службу вследствие неких «неприятностей по службе». Но что это были за «неприятности»?

Из записок биографа де Витта Н. Чулкова: «Причиной его (де Витта. – В.Ш.) ухода со службы были, по-видимому, служебные недоразумения с князем Багратионом и графом Витгенштейном. Это видно из рескрипта императора Александра I от 26 января 1808 года на имя подольского губернатора, которому повелевается учредить надзор за графом Виттом, ввиду разносшегося в Петербурге слуха, что он, вследствие служебного неудовольствия, намеревается вызвать на дуэль генерал-майора графа Витгенштейна и генерал-лейтенанта князя Багратиона, и не допустить поединка. Если же дуэль состоялась, то предписывалось арестовать Витта, хотя в том же рескрипте передавался слух, что дуэль действительно состоялась».

Все вышеизложенное довольно странно. Разумеется, дело могло обстоять именно так, как описывает Н. Чулков, однако целый ряд фактов говорит за то, что на самом деле события развивались несколько в ином русле. При всем уважении к законам офицерской чести я все же глубоко сомневаюсь, чтобы каждый командир эскадрона мог вызывать на дуэль своего командующего армией, да ещё во время военных действий! Напомню, что тогда Багратион был командующим Дунайской армией (в состав её входил и лейб-кирасирский полк), которая вела активные боевые действия с турками. При этом улаживанием дела о размолвке между командующим армией и командиром корпуса, с одной стороны, и командиром эскадрона, с другой, занимается лично император!

При всем уважении к де Витту, его чин и должность на тот момент явно не стоили такого внимания. Здесь вполне достаточно было бы решения того же Багратиона. Так в чём же дело?

А дело, как думается, было в следующем. После унижительного для России Тильзитского мира Александр I вовсе не собирался отказываться от дальнейшей борьбы с Наполеоном. Тильзит был для него лишь небольшой передышкой, за время которой Россия должна была оправиться от понесенных поражений и подготовиться к новой войне. При этом всем, а в особенности российскому императору, было абсолютно ясно, что новая война будет очень тяжелой. А потому наряду с непосредственной подготовкой армии надлежало постоянно иметь информацию обо всем, что происходит в армии Наполеона. Разумеется, у Александра в Париже был прекрасный военный атташе полковник Чернышев. Но Чернышев был официальным разведчиком, который постоянно находился «под колпаком» сыщиков Наполеона, а потому далеко не всегда мог добыть нужную информацию. К тому же Чернышев находился в Париже, а Великая армия активно перемещалась по всей Европе. Александру как воздух нужен был свой человек в самой армии, а ещё лучше – в её Главном штабе или в походной Ставке императора. При этом информатор должен был отвечать целому ряду важных требований:

- быть преданным России и лично Александру;
- быть высокопрофессиональным военным, разбирающимся во всех армейских нюансах, в картах и документах;
- иметь хорошие связи, если уж не во французских, то, хотя бы в польских высших кругах;
- обладать личным обаянием, умением нравиться, хитростью и ловкостью в делах;
- быть богатым, чтобы исключалась любая попытка подкупа.

Всеми этими качествами обладал полковник лейб-кирасирского Её Величества полка Иван де Витт. Решение об отправке полковника во вражеский стан принимал лично император. Инициативная и успешная деятельность де Витта во время тильзитских переговоров понравилась Александру. Не забыл он и поведения де Витта во время мартовских событий 1801 года, когда тот на деле доказал свою преданность его отцу, а это значило, что де Витт – человек чести. По-видимому, именно поэтому Александр I остановил свой выбор на де Витте.

Однако тот же Александр I, безусловно, понимал, что французы тоже далеко не дураки, чтобы раскрывать свои объятия прибывшему к ним российскому разведчику. Для внедрения де Витта нужна была легенда, которая не только самостоятельно достигла бы ушей потенциального врага, но и придала де Витту авторитет во французских военных кругах. Такой легендой мог стать только особо крупный скандал, связанный с графом. Причем такой скандал, где де Витт фигурировал бы как человек чести, не прощающий оскорблений и бросивший вызов какому-нибудь весьма могущественному врагу.

Ставки в затеваемой игре были очень высоки, и Александр I играл в ней по-крупному. Именно поэтому в легендарные враги де Витту и был выбран генерал Багратион. Почему именно он? Да потому, что на тот момент именно Багратион считался Наполеоном самым талантливым, а значит, и наиболее опасным из российских генералов. За Багратионом была слава Итальянского и Швейцарского походов Суворова, удивительное по доблести и мастерству отступление от Шенграбена, победы над турками. И тут в России находится смельчак, который бросает вызов Багратиону! При этом это не какой-либо русский дворянин, а именитый и всем хорошо известный польский аристократ, за спиной которого стоит богатейшая и знаменитейшая семья Потоцких! Все выглядело настолько натурально и правдиво, что можно было не сомневаться: профранцузски настроенные поляки примут де Витта с распростёртыми объятиями. В непростой ситуации с польским вопросом заполучить в свои ряды представителя традиционно пророссийского клана Потоцких было для них большим политическим успехом. К слову сказать, сам Багратион, судя по всему, был далеко не в восторге от уготованной ему роли. О характеристике, данной Багратионом де Витту, мы ещё поговорим позднее. Пока же отметим, что она показывает неприязнь генерала к нашему герою, однако и дает исчерпывающую оценку его профессионализму.

4 сентября 1807 года «оскорбленный» де Витт выходит в отставку.

Оправдываясь перед друзьями, граф говорил, что после Аустерлицкого побоища и позорного Тильзитского мира он полностью разочаровался как в военной службе, так и... в самой России!

– К тому же, – заявляет во всеуслышание де Витт, – я потомственный польский шляхтич, а потому отныне мои симпатии полностью на стороне французского императора, который обещал восстановить польскую государственность!

Такой поступок сразу же сделал вчерашнего любимца изгоем петербургского света.

– Еще бы! – говорили с раздражением те, кто ещё вчера числил его в приятелях. – Разве может сын польского графа и пасынок польского гетмана стать русским патриотом!

О, если бы только знали они тогда, что в жизни бывают и не такие превращения!

Сразу после этого де Витт без паспорта (то есть своевольно!) покидает Россию. Он уезжает вначале в Варшаву, где местные аристократы устраивают беглецу самый теплый прием. Его здесь многие помнят и знают, у него полно влиятельных друзей по линии отчима и влиятельных родственников по линии отца. Для высшего света Варшавы молодой граф тоже не чужой! Вскоре де Витт оказывается в Вене, а потом и в Париже, а затем снова объявляется в Варшаве. От своего недавнего российского прошлого перебежчик отмежевывается самым решительным образом. Отныне он уже никакой не Иван Осипович, а вполне европейский респектабельный граф Иоганн де Витт!

Итак, согласно официальной версии, де Витт без паспорта выехал за границу, то есть, по существу, бежал без разрешения своего начальства. И это полковник! И это в разгар войны с Турцией! И это в то самое время, как его лейб-кирасирский полк находился в действующей армии! Уже всего этого было вполне достаточно, чтобы лишить де Витта чинов и отправить прямиком на каторгу. Но странное дело: никто на его бегство даже не отреагировал... Никто не собирался лишать его чинов и отправлять в Сибирь. Исчезновение де Витта из России было как бы не замечено.

В официальной биографии нашего героя о его пребывании за границей сказано весьма лаконично: «Витт без паспорта уехал за границу и поселился в Вене. В 1809 г. во время войны Франции с Австрией он вместе с некоторыми другими русскими офицерами поступил волонтером во французскую армию и принимал участие в сражениях при Асперне, Ваграме, Голлабрюнне и Знаиме. В 1811 году граф де Витт служил тайным агентом по наблюдению за поляками, а в июне 1812 года он снова поступил на русскую службу». Не слабо, скажу я вам! И как-то не слишком понятно.

Появление де Витта в Варшаве странным образом совпало с начавшимся разыгрыванием Наполеоном «польской карты». Впереди у французского императора было неизбежное столкновение с Россией, а потому позиция поляков в этой связи приобретала немаловажное значение.

Тем временем бывшего российского полковника постоянно видят на всех варшавских светских раутах. Он красив, богат, остроумен, много говорит о будущем Польши. Все уже знают, что граф де Витт – настоящий патриот Польши и заклятый враг России! С графом знакомятся польские генералы-легионеры Домбровский и Понятовский. Генералы – люди несентиментальные, а потому сразу же наводят справки об отставном полковнике. Петербургские корреспонденты подтверждают: де Витт бросил службу из-за любви к Речи Посполитой и симпатий к Наполеону, не побоявшись вражды с ненавистным им Багратионом и полной обструкции. Генералы оценивают информацию по достоинству, ибо в самом начале XIX века такое поведение было делом несчастным! Решиться на подобное мог только человек, сжигавший за собой все мосты! Однако некоторая настороженность по отношению к перебежчику у польских военачальников все же оставалась. Дело в том, что де Витт, в отличие от других, вовсе не пытался выслужить себе чин и должность во вновь формируемых легионах и не торопился

вступить в их ряды. Это выглядело несколько подозрительным, хотя каких только оригиналов не бывает среди ясновельможной шляхты!

В эпоху Наполеоновских войн верили делам, а не словам, делами же считались подвиги на полях брани, а потому и де Витт должен был доказать свою преданность Наполеону участием в боях. Именно поэтому в 1809 году, с началом очередной франко-австрийской войны, де Витт вступает добровольцем не в польские легионы, а непосредственно во французскую армию и принимает участие в кровопролитных сражениях при Асперне, Ваграме, Голабрюнне и Знаиме. Теперь он свой. Однако это только первый этап. Де Витту ни к чему служить обычным строевым офицером французской армии. Ему необходимо получить доступ к государственным и военным секретам.

Чтобы убедиться в искренности де Витта, его просят исполнить ряд деликатных поручений в интересах общепольского дела. Разумеется, граф не думает отказываться! Ради родной Польши и во вред злодейке России он, кажется, готов на всё! Больше того, используя свои ещё оставшиеся связи в гвардейских штабных кругах, де Витт умудряется достать и предоставить генералам исчерпывающую информацию о дислокации и составе российской армии, вплоть до характеристик командиров дивизий. То, о чём французский император не мог и мечтать, само упало к нему в руки! Домбровский и Понятовский немедленно докладывают о добытых сведениях Наполеону. Тот приказывает маршалу Бертье тщательно проверить поступившую информацию. Осторожный Бертье тщательно сличает предоставленные де Виттом сведения с имеющимися у него и убеждается, что добытые бывшим российским полковником документы очень важны. Они не только подтверждают всю имеющуюся у французов информацию о составе и дислокации русской армии, но в значительной мере уточняют её весьма важными подробностями. Полученное – это поистине подарок судьбы!

И Наполеон и Бертье понимают, что совершенно неожиданно для себя они получили опытного специалиста, чьи услуги в свете предполагаемой войны с Россией могут оказаться поистине бесценными. А потому следующий шаг де Витта уже кажется вполне логичным: ему предлагают поступить на службу к Наполеону. Но и это не всё! Ценного сотрудника, разумеется, никто и не подумал ставить в полковой строй. Не для того же его брали! Де Витта было решено использовать именно как специалиста по России!

Поступление де Витта на службу к самому непримиримому врагу России вызвало настоящий шок в петербургских офицерских кругах. Бывшие сослуживцы полковника открыто говорили о его предательстве, клялись, что как только представится случай, они непременно вызовут изменника на дуэль. Увы, слухи и сплетни той поры будут преследовать нашего героя ещё очень долго.

Однако в то время мало кто обратил внимание, что император Александр I, которому, конечно же, сразу доложили об «измене» гвардейского полковника, никак не прореагировал на «новость». Мало того, он почему-то даже приказал не вычеркивать «сбежавшего» графа из списков русской армии. Секрет столь странного на первый взгляд поведения императора открывался весьма просто: и отъезд де Витта, и его показная ненависть к России, и даже шумный скандал вокруг пропольских высказываний бывшего полковника – все это были элементы тщательно срежиссированного русской разведкой спектакля.

Неизбежность скорого столкновения с Францией император Александр понимал не хуже своего воинственного визави, а потому наличие профессионального агента в недрах французского Генштаба было для него совершенно необходимо. Что же касается личности де Витта, то, учитывая его польское происхождение, врожденную любовь к приключениям и интригам и, как выяснилось, большой русский патриотизм и верность престолу, он оказался на своем месте.

Что же касается тех секретных сведений, которые представил де Витт Наполеону, то и над ними заранее тщательно потрудились российские штабисты, продуманно смешав истинное

и придуманное. Что и говорить, а операция по внедрению агента в штаб французской армии была проведена блестяще!

Здесь нам стоит вспомнить известный роман Валентина Пикуля «Честь имею!», посвященный деятельности нашего разведчика «с профилем Наполеона» в предреволюционные годы. Интересно, но операция по «исчезновению» главного героя романа из российской армии была обставлена почти по такому же сценарию.

С кем можно сравнить начало шпионской карьеры графа де Витта? Наверное, только со знаменитым Штирлицем! Но Штирлиц, как известно, был образом собирательным и литературным. Что касается де Витта, то он был вполне реальной исторической личностью.

Итак, операция по внедрению разведчика прошла более чем успешно. Но это было лишь началом настоящего дела! Теперь предстояло организовать работу по утечке информации из французского Генштаба и наладить связь с Петербургом. А потому де Витт вовсе не случайно объявляется в столице Франции. В Париже тайное шефство над новоиспеченным французским волонтером сразу же берет тогдашний российский военный атташе полковник А.И. Чернышев.

Из биографии А.И. Чернышева: «В 1808 году был послан императором Александром Первым в Париж, где заслужил расположение императора Наполеона. В 1809 году, во время войны Франции с Австрией, находился при армии Наполеона в битвах при Асперне и Ваграме. В 1809 году пожалован во флигель-адъютанты к Е.И.В., а в 1810 году произведен в ротмистры. С 1810 по 1812 год исправлял должность военного агента в Париже и руководил агентурной сетью в военном министерстве Франции, используя в качестве прикрытия статус курьера для доставки писем от императора Наполеона к императору Александру Первому. Красивый и ловкий, прекрасный танцор, он пользовался большим успехом в парижском обществе (по мнению современников, Чернышев находился даже в близких отношениях с сестрой императора Наполеона, принцессой Полиной Боргезе), пристально наблюдая в то же время за военными приготовлениями Франции и сообщая об этом в Санкт-Петербург. В своих сообщениях Чернышев постоянно старался усилить подозрительность императора Александра Первого и советовал ему не только быть готовым к отражению нападения со стороны Франции, но и самому действовать наступательно. В ноябре 1810 года получил чин полковника».

Женатый на польской княгине Теофиле Радзивилл, Чернышев имел возможность общаться в польских эмиграционных кругах, однако его информации о внутривосточных делах было уже недостаточно. Необходимо было ввести в игру новую самостоятельную фигуру, которая могла бы взять на себя все «польские» дела. Такой фигурой и стал де Витт. Сам первоклассный разведчик, Чернышев умело и незаметно ввёл де Витта в местные великосветские салоны, познакомил с сестрой Наполеона Полиной Боргезе, на которую молодой и красивый поляк произвел самое приятное впечатление. Однако военные атташе всегда находятся под самым пристальным вниманием органов контрразведки, а потому Чернышев не мог лично руководить агентурной работой.

Для этого он свёл де Витта со служащим французского военного министерства Мишелем, который уже много лет верой и правдой работал на русскую разведку и имел своих платных осведомителей в различных военных департаментах. Таким образом, во французском военном руководстве была в самое короткое время создана целая разведывательная сеть под непосредственным началом де Витта и общим руководством и прикрытием со стороны Чернышева.

Не остался де Витт незамеченным и во французской армии. За храбрость в боях с австрийцами его отмечает Мюрат, а потом и сам Наполеон. Из «волонтера» де Витта производят (точно так же, как и в России), минуя все промежуточные чины, сразу в полковники французской армии. Отныне молодой граф состоит при походном штабе императора, где всё так же занимается различными секретными заданиями, которые неизменно исполняет самым блестящим образом. С этого времени де Витт становится самым настоящим двойным агентом. Каждый свой шаг, поступок и даже слово ему предстоит взвешивать самым тщательным образом.

Известно, что де Витт сумел отличиться во время боевых действий в Испании, а затем во время разведывательной поездки в Турцию. В Константинополе де Витт налаживает отношения с рядом местных вельмож и быстро создает сеть своей личной агентуры. Этому немало способствовала его тетка, муж которой, уже известный нам Гассан-паша, был весьма влиятельным вельможей. Кто мог тогда подумать, что эта поездка сыграет в судьбе де Витта весьма важную роль!

Однако эти успехи были только началом настоящей карьеры нашего героя в наполеоновской Франции. Вскоре де Витт сумел стать поистине незаменимым для императора. Он – доверенное лицо в любовных делах Наполеона. Согласитесь, что это уже проявление наивысшего доверия!

Дело в том, что в это время у Наполеона происходят большие изменения в личной жизни. Мы вынуждены остановиться на них, так как личная жизнь французского императора в этот период времени оказалась сферой самого пристального интереса де Витта.

Ещё во время боевых действий против России в Польше у Наполеона начался страстный роман с польской красавицей Марией Валевской. Истории этого романа посвящены десятки, если не сотни исследований. Поляки настолько гордятся тем, что их соотечественница переспала с французским императором, что даже сняли на эту тему умильную мелодраму «Марыся и Наполеон». Нас роман Наполеона и Валевской интересует лишь тем, что имел самое непосредственное отношение к судьбе нашего героя. Но обо всем по порядку.

Вначале немного о самом романе. Мария Валевская (в девичестве Лончинская) родилась в Польше в 1789 году. Происходила из знатного, старинного, но обедневшего рода. Воспитывалась овдовевшей матерью в ветхом особняке и разоренном поместье. В семье было шестеро детей, из них пять девочек. Брата (он был первенцем) ждало неопределенное будущее. Когда Марии было 15 лет, на неё обратил внимание 68-летний граф Анастасио Колонна Валевский – богатейший помещик, владелец большого замка в Валевице, близ Варшавы, человек угрюмого нрава, дважды вдовец, принялся настойчиво ухаживать за Марией. Старик ухажер, естественно, ей не слишком нравился, ведь даже младший из внуков Валевского был на десять лет старше Марии! Но матери было крайне важно сбыть с рук хотя бы одну из дочерей. Выбора у Марии не было, и в 1805 году в возрасте 16 лет Мария стала графиней Валевской. Долги семьи были уплачены, родовое поместье восстановлено. Вскоре Мария родила болезненного мальчика. Вопреки предположениям, с мужем у неё установились достаточно неплохие отношения.

Зимой 1806 года в Польшу прибыл Наполеон, готовящийся продолжать боевые действия против русской и австрийской армий. Поляки встречали его восторженно, мечтая о том, что французские штыки помогут им восстановить своё бездарно растраниженное королевство. О том же мечтала и Мария Валевская. В имении Броня, под Варшавой, сотни полков криками встретили Наполеона. Прибежала посмотреть на знаменитость и Валевская. Пока Наполеону меняли лошадей, он, скучая, разглядывал толпу. И внезапно увидел Марию. Девушка была очень хороша. Марии было тогда 17 лет. Она была блондинкой с большими голубыми глазами. Наполеон не привык отказывать себе в удовольствиях. Девушка ему сразу понравилась. Он снял треуголку и преподнес Марии букет, составленный из цветов, которыми была заполнена его карета. На этом первая встреча и завершилась.

После кровопролитнейшего сражения при Пултуске с российской армией Наполеон вернулся в Варшаву дожидаться весенней оттепели. Продолжать боевые действия у него просто не было сил. Французские войска стали на зимние квартиры на правом берегу Вислы. У императора появилось свободное время, и он вспомнил о девушке, которую встретил в Броне. Немедленно были наведены справки. Талейран «достал её мне», сказал он потом. Через главу временного правительства Польши князя Юзефа Понятовского Марию пригласили на официальный бал, который давал Наполеон. Инстинкт заставил её отклонить приглашение. Но польские ари-

стократы и, наконец, муж уговорили Марию принять его: ничто не должно раздражать того, на чью силу они рассчитывали.

По существу, ВСЯ ПОЛЬША укладывала семнадцатилетнюю девушку в постель французскому императору. Я, честно говоря, не совсем понимаю, в чём здесь, собственно, предмет польской гордости. В рамках нормальной морали вся история с Марией выглядит весьма мерзко и гнусно. Самое же постыдное, что во всём этом самое живое участие приняли муж, мать и брат Марии. Каждый желал извлечь из её падения свою выгоду.

На бал к Наполеону Мария прибыла в белом платье в сопровождении мужа. Наполеон с жадностью следил за каждым её движением. Наконец он послал к ней адъютанта, чтобы пригласить её на танец. «Я не танцую», – ответила она. Раздосадованный император пересёк зал, расталкивая на своем пути гостей, и очутился перед ней. Она опустила глаза. Он уставился на неё и вдруг выпалил: «Белое не идет к белому, мадам». Затем подошёл ближе: «Почему вы не захотели танцевать со мной? Я ожидал совсем иного приёма». Развернулся на каблуках и вышел. Перепуганный муж сразу же увёз Марию домой.

На следующее утро адъютант привёз Марии цветы и записку: «Я никого не видел, кроме вас; я никем не восхищался, кроме вас; я никого не хочу, кроме вас. Поскорее ответьте мне и утолите нетерпеливую страсть. Н.» Это письмо осталось без ответа. Это характеризует Марию как весьма порядочную девушку. Увы, окружение, в котором она жила, было, в отличие от неё, и ненормальным, и аморальным.

Через пару дней к Марии приехал уже сам глава польского правительства князь Понятовский с новым письмом императора. Цель премьер-министра – уговорить Марию переспать с Наполеоном! Письмо гласило: «Я вам не нравлюсь, мадам? У меня были основания надеяться, что я смогу вам понравиться. Но, может быть, я был не прав. Мой пыл разгорается – ваш же гаснет. Вы нарушаете мой покой! О, подарите же несколько мгновений радости и счастья бедному сердцу, которое жаждет обожать вас! Неужели так трудно ответить мне? А ведь за вами уже два ответа. Н.»

Официальная польская история утверждает, что гордая Марья не ответила и на это письмо, и тогда Наполеон пообещал ей в обмен на постель предоставление Польши независимости. Он писал: «Бывают такие моменты – и сейчас я как раз переживаю один из них, – когда надежда столь же мучительна, сколь и отчаяние. Как утешить разбитое сердце, которое так страстно желает припасть к вашим ногам, но должно сдерживаться, что парализует его самые заветные желания? О, если бы вы только захотели! Вы и только вы можете устранить разделяющие нас препятствия. Мой друг Дюрок сделает так, что вам это будет совсем нетрудно. Придите! Придите! У вас будет все, что вы пожелаете. Стоит только вам пожалеть моё бедное сердце – и ваша страна станет для меня ещё дороже. Н.»

С помощью своего адъютанта, генерала Жерара Дюрока, Наполеон устроил так, что содержание его последнего письма стало известно членам польского временного правительства. Их реакция была именно такой, какой он и ожидал. В лице неуступчивой Марии они сразу же увидели средство добиться восстановления своего государства. В дом Валевских заявила толпа просителей «за любовь с Наполеоном». Притворившись больной, Мария пыталась отказать от встречи с ними. Но не тут-то было, в дело вмешался граф Валевский. Вместо того чтобы схватить саблю и выгнать наглецов взашей, ясновельможный пан на коленях умолял жену переспать с другим мужчиной!

От имени двенадцати миллионов поляков «депутаты сексуальной партии» умоляли Марию отдаться Наполеону, жертвуя своим телом во славу великой Польши. Поразительно, но эти люди даже составили ей соответствующий документ: «Если бы вы были женщиной, вы бы отдали свою жизнь за справедливое и благородное дело Отечества. Как женщина, вы можете принести другие жертвы, и вы должны заставить себя на них пойти, как бы они ни были

тяжелы». Что могла противопоставить такому натиску преданная даже ближайшими родственниками семнадцатилетняя девчонка?

Надломленная и униженная, Мария согласилась встретиться с Наполеоном. Можно себе представить, как в тот момент она смотрела на своего мужа! Первое свидание с Наполеоном принесло ей сюрприз. Она не знала, что ожидать от этой встречи, но в любом случае не ждала сочувствия. И действительно, Наполеон был настроен отнюдь не благодушно. В течение многих лет ему было достаточно пошевелить пальцем, чтобы к его услугам была любая женщина по его выбору. Томная красота Марии, её безупречная фигура, не совсем безупречный французский язык, наконец, само её сопротивление – все это воспламенило его. Как вспоминал его камердинер Констан, «целый день после бала он то вставал, то садился, то ходил по комнате, то опять садился и опять вставал». Узнав, что двоих его молодых адъютантов видели флиртующими с Марией, он тут же отправил их на передовую линию.

Когда наконец он увидел её одну в своих личных покоях и она села перед ним в кресло, он с трудом сдерживал себя. Он встал перед ней на колени и поцеловал ей руки, затем обнял её и целовал до тех пор, пока она не вырвалась и не побежала к дверям. Тут он сказал ей о своей любви. Она заплакала. Наполеон с пониманием отнесся к её страхам и вдруг стал нежным. Он говорил ей о её любимой Польше и о своих планах вернуть ей независимость. Спросил и о графе Валевском: почему она вышла замуж за такого старика? Она в последний раз запротестовала против нарушения супружеской верности: «Тех, кого сочетали на земле, можно разлучить только на небесах». На её счастье, Дюрок появился слишком быстро. «Как, уже?» – спросил Наполеон. И, обратившись к Марии, сказал: «Ну что ж, моя милая стенающая голубка, идите домой и отдохните. Не бойтесь орла... Придет время, вы полюбите его и будете иметь над ним полную власть».

Так Мария невредимой вернулась к графу Валевскому. Но только на одну ночь. На следующее утро, проснувшись, она увидела букет из бриллиантов, букет из цветов и новую мольбу императора: «Мария! Моя милая Мария! Моя первая мысль – о вас. Мое первое желание – вновь увидеть вас. И вы придете вновь, не правда ли? Вы обещали прийти. Если не придете, орел сам прилетит к вам! Я увижу вас на обеде – так сказал мне наш друг. Примите этот букет: я хочу, чтобы он стал символом тайных уз и тайного согласия между нами и чтобы никто не знал об этом. Мы сможем обмениваться нашими мыслями, пусть даже на нас смотрит целый мир. Когда я буду прижимать руку к сердцу, вы будете знать, что я думаю только о вас; когда вы будете касаться букета, я тут же буду знать ваш ответ. Любите же меня, моя прелесть, любите и берегите этот букет! Н.».

Мария очень рассердилась. Испарились все мысли о патриотизме. Бриллианты были слишком откровенной платой за её тело. Она возвратила их вместе с цветами. Умолять её пришел Дюрок: в пышных выражениях он обещал Польше свободу. Она не доверяла ему. Оставшись одна, она подумала о самоубийстве, затем о побеге. Она быстро написала записку своему мужу. Сообщив, что виделась с Наполеоном, она добавила: «Я вышла невредимой, пообещав вернуться этим же вечером. Я не смогу сдержать это обещание, так как теперь слишком хорошо знаю, что случится».

Но она не вручила эту записку и не убежала. В тот же вечер она была на обеде у Наполеона. Весь вечер она избегала его взгляда и не обмолвилась с ним ни единым словом. Когда обед закончился и гости разъехались по домам, её попросили остаться, а затем проводили в личные покои императора. Тут появился Наполеон. Его лицо было мрачным, а манеры – грубыми. «Я уж и не надеялся увидеть вас вновь, – сказал он. – Почему вы отказались от моих бриллиантов и моих цветов? Почему вы избегали смотреть на меня за обедом? Ваша холодность обидна, и я не намерен её терпеть». Потом он добавил, что она подтвердила его мнение о польском народе. Она точно такая, как и другие поляки, – надменные, пустые и бесчувственные. Но он не сдастся. «Я заставлю вас убедиться в серьезности моего намерения покорить

вас. Вы полюбите меня! Я воскресил имя вашей страны. Благодаря мне польская нация жива, как и прежде». Он вынул карманные часы и посмотрел на них. «Видите, я держу в руках часы? Точно так же, как я разобью их сейчас вдребезги у вас на глазах, я разнесу Польшу, если вы откажете мне в своем сердце и отвергнете мое». С этими словами он швырнул часы на пол, разбив их на сотни кусочков. Мария вскрикнула и упала в обморок.

Когда она пришла в себя и увидела, что её одежда в беспорядке, она поняла, что над ней было совершено насилие. Наполеон якобы испытывал чувство стыда и даже просил прощения. Валевская была слишком ошеломлена, чтобы возмутиться. Затем позвали Дюрока, и тот перенес её в одну из комнат дворца. Она ненадолго заснула. Когда она проснулась, её ожидал Наполеон. С этого момента он стал внимателен и чуток. Он искренне говорил о себе, своих надеждах и мечтах, о Польше.

Невероятно, но в последующие дни её привязанность к нему возрастала. Она уже больше не думала ни о муже, ни о своем позоре. Она жила в ожидании новых визитов к Наполеону.

Об этом романе услышала в Париже императрица Жозефина – его неверная 43-летняя креолка, которая не подарила Наполеону наследника. Она написала, что приедет к нему. Он ответил, что не желает даже думать об этом: здешний климат ей не подходит. И это действительно было так. «Я огорчен больше, чем ты, – говорится в его письме Жозефине. – В это время года мне хотелось бы коротать долгие ночи с тобой». Но друзьям он писал в другом тоне, намекая на причину своего подъема. «Мое здоровье никогда не было столь крепким; оно так хорошо, что я стал более галантным, чем раньше».

Когда русские сконцентрировали войска в Восточной Пруссии, Наполеон спешно вернулся в армию. Громя неприятеля, он находил время для ежедневных писем Марии, которая поехала вместе с матерью отдыхать в Вену. Наступила новая зима. Наполеон расположился в укрепленном прусском замке Финкенштейн. Чувствуя себя одиноким, он послал за Марией. Она приехала к нему в сопровождении брата – капитана польских уланов.

У неё была своя спальня с огромным камином и кроватью с балдахином, смежная со спальней Наполеона. Когда Наполеон был занят делами, она или читала, или вышивала. Когда же он был свободен, они вместе обедали, без усталости разговаривали или предавались любви. Она наслаждалась своей властью над величайшим человеком Европы. «Мне выпала честь стать вождем народов, – говорил он ей. – Когда-то я был желудем, теперь же я – дуб. Но если я дуб для всех остальных, я рад быть желудем для тебя». Они перестали делать вид, будто в основе их романа лежала политика. Хотя Наполеон и помог создать новое польское правительство и восстановить польскую армию, он признавался, что не в состоянии освободить Польшу. Но привязанность Марии к нему не ослабевала. «Я люблю твою страну... но мой первейший долг – Франция, – говорил он ей. – Я не могу проливать французскую кровь за чужое дело». Когда весной, проведя с ней два с половиной месяца, он уезжал, она дала ему кольцо, на внутренней стороне которого было выгравировано: «Когда ты перестанешь любить меня, помни, что я по-прежнему тебя люблю».

Сегодня польскими историками документально установлено, что именно граф де Витт во многом способствовал сближению Наполеона с его будущей неофициальной женой красавицей Марией Валевской. И здесь хитромудрый разведчик разыграл всё как по нотам! Едва он узнает о знакомстве Наполеона с Валевской, как сразу понимает, что это настоящая любовь, а не мимолетная интрижка, и начинает немедленно действовать. Но как! В течение какой-то недели де Витт полностью очаровывает некую вдову Юзефу Любомирскую, в первом браке Валевскую, имевшую от этого брака маленькую дочь.

Бывшая в «свойстве», то есть являвшаяся женой брата Марии Валевской в первом браке, Юзефа Любомирская, несмотря на развод, сохранила с бывшей родственницей самые близкие отношения и являлась её самой интимной подругой. Именно Юзефа стала тем мостиком, через который де Витт мог отслеживать не только все перипетии разгоравшегося романа, но

и в некоторой мере даже влиять на его ход. А это было чрезвычайно важно для России, ибо с помощью Валевской польская аристократия мечтала заставить Наполеона действовать в своих интересах, конечной целью которых являлось создание великого Польского королевства «от можа до можа» за счёт российских земель. Этого допустить было никак нельзя, а потому операция «Мария Валевская» имела очень большое значение.

Как установили историки, женитьба де Витта на Юзефе Любомирской не была счастливой, да он, судя по всему, об этой стороне брака думал как раз меньше всего. Мадам де Витт, по отзывам современников, была женщиной весьма передовых взглядов на семейную жизнь, умудряясь одновременно сожительствовать как со вторым, так и с первым мужем, не считая множества любовников. Что касается де Витта, то образовавшийся любовный треугольник позволял ему установить самые дружеские отношения с братом Марии Валевской (первым мужем Юзефы).

Факт, что Иван де Витт женился на своей ветреной супруге именно весной 1809 года, в разгар романа Наполеона с Марией Валевской, доказывает, что в своем браке граф преследовал, прежде всего, служебные цели. Этим можно объяснить и тот факт, что Витт более чем снисходительно относился к постоянным изменам своей жены. Когда же надобность в браке отпала, он немедленно развелся с любвеобильной пани Юзефой. Но в 1809 году именно она обеспечила графу близость к Марии Валевской, а через неё – и к самому Наполеону.

Мы не знаем, было ли сближение с Наполеоном через его польскую любовницу заранее продуманным «заданием центра» или же гениальным экспромтом самого де Витта. На мой взгляд, весьма маловероятно, чтобы Петербург мог заставить жениться на нелюбимой женщине даже своего агента. Не будем забывать, что все происходило в начале XIX века, когда понятия о долге и чести были несколько иными, не говоря уже о том, что обольстить ветреную Юзефу де Витт мог только по своей доброй воле. А если все обстояло именно так, то заслуга полковника двух разведок графа де Витта возрастает ещё больше!

Из письма польского офицера Томаша Лубеньского от 31 июля 1809 года: «Позавчера в театре зашёл в ложу супругов Витт и застал там жену Анастасия Валевского (ею являлась Мария Валевская. – В.Ш.), которая рассказала мне о Варшаве...»

Именно супруги де Витт опекали Марию Валевскую в Вене, а затем, когда она почувствовала себя беременной, вдвоем сопровождали её в Париж на встречу с Наполеоном. В надежде на наследника Наполеон окружил её вниманием и заботой. Именно через де Витта Наполеон и Мария вели свою тайную интимную переписку. И здесь граф оказался на должной высоте! Во всяком случае, император был весьма доволен деликатной деятельностью де Витта и в 1811 году неожиданно для многих во Франции назначает его своим личным тайным агентом в герцогстве Варшавском. Теперь именно де Витт докладывает Наполеону о благонадежности поляков, об их тайных помыслах и надеждах, именно он просеивает большую часть информации, которая поступает Наполеону о польских делах. А уж де Витт, как никто другой, знает, что и как нужно доложить императору! И, как знать, может быть, тот факт, что Наполеон был весьма недоволен тем, что поляки пытаются навязать ему воссоздание своего королевства и, несмотря на все их уговоры, он так и не согласился на это, – есть результат работы нашего героя.

Что касается Марии Валевской, то её дальнейшая судьба не была счастливой. Многообещающая беременность Марии закончилась выкидышем. Разочарованный Наполеон отправился сокрушать Австрию. Затем он вызвал Валевскую в Вену, где она вскоре снова забеременела. Но жениться на Марии Наполеон уже передумал. В это время он разводится с Жозефиной и в апреле 1810 года женится на дочери австрийского императора Марии-Луизе. А буквально через месяц пани Мария родила ему сына Александра, тут же пожалованного в графы. Марии же было обещано, что её сын будет королем Польши. После этого Валевская вернулась к своему старику мужу, и они зажили, словно ничего не было. При этом Мария пользовалась дикой популярностью в Польше, её называли «польской женой Наполеона» и считали за счастье уви-

дочь. До 1811 года у Марии была надежда, что её сын рано или поздно станет наследником французского императора, но после рождения у Наполеона законного сына от Марии-Луизы эти надежды испарились.

Удирая от казаков около Варшавы в конце 1812 года, Наполеон хотел было навестить Марию, но боязнь казаков оказалась сильнее любви к «польской жене». В 1814 году Наполеон отрекся от престола и был сослан на остров Эльба. Там его навестила Валевская, и они провели два дня вместе. Затем последовали возвращение Наполеона и знаменитые сто дней. В Париже он в последний раз принял Марию Валевскую. Они говорили наедине, а потом в присутствии других людей он пожал ей на прощание руку.

Спустя пару лет новым мужем Валевской стал генерал д'Орнано – французский офицер, корсиканец и дальний родственник Наполеона. Впоследствии сын Марии и Наполеона Александр стал министром иностранных дел Франции при Наполеоне III. Говорят, что Валевская до самой смерти продолжала любить Наполеона, хотя и была привязана к д'Орнано. Последний не только не ревновал супругу к её прошлому, но, наоборот, гордился им. В 1817 году Мария Валевская скончалась в возрасте 28 лет. Легенда гласит, что последним слетевшим с её уст словом якобы было «Наполеон».

Итак, проведенная де Виттом в 1811 году операция «Мария Валевская» завершается полным успехом! Отныне де Витт мог контролировать все происки польской шляхты против России, провоцировать к ней недоверие Наполеона и быть в курсе всех франко-польских тайн. Отныне полковник французской службы Иоган де Витт не только был допущен к тайным делам французской империи, но и сам их создавал. В Варшаве Витт пробыл чуть больше года, постоянно находясь в личной переписке как с министром иностранных дел Франции Талейраном, так и с самим Наполеоном. О, если бы знала его мать Софья де Витт о том, чем по-настоящему занимается её Иван-Иоган! Как гордилась бы своим старшим сыном, сумевшим столь виртуозно обмануть покорителя Европы! Возможно, кому-то это покажется преувеличением, но мне граф де Витт представляется последним отпрыском той самой плеяды знаменитых авантюристов ушедшего века, к которой принадлежала и его мать. Однако, как человек уже иного поколения, де Витт сумел поистине гениально совместить свою врожденную авантюристность с воинским долгом, а любовь к приключениям – со служением той Родине, которую он выбрал для себя раз и навсегда.

Сегодня давно уже не секрет, что перед вторжением французов в Россию наше военное руководство было прекрасно информировано о составе и силах Великой армии, направлении её ударов, о тактических, стратегических и политических планах Наполеона. Об источнике столь обстоятельной информации нигде и никогда не говорилось. Но кто же лучше, объективней и быстрее, чем де Витт, мог обеспечить Петербург такой информацией? Тайный агент французского императора являлся ещё более тайным агентом императора российского. Столь высокопрофессионально подготовленного разведчика, пробравшегося в высшие командные сферы врага, Россия ещё никогда в своей истории не имела! В то же самое время де Витт в списках российской армии официально числился... резидентом военной разведки 2-й армии генерала Багратиона!

Вот суммированный экстракт деятельности русских разведчиков (и среди них, разумеется, и де Витта), доложенный военному министру Барклаю-де-Толли весной 1812 года о методах борьбы с Наполеоном, в случае его вторжения в пределы России: «Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, французов утомительные и союзникам их нетерпимые... Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он ещё не привык... соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном... заманить противника вглубь и дать

сражение со свежими и превосходящими силами... тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое...»

Но де Витт сообщил не только это! Он сообщил Барклаю-де-Толли и точную дату перехода Наполеоном российской границы. Это позволило нашим войскам не быть застигнутыми врасплох. Проведя аналогии событий первой Отечественной войны с событиями второй Отечественной, можно сказать, что полковник де Витт был одновременно нашим Штирлицем и Рихардом Зорге во вражеском стане.

Однако разработкой плана «Мария Валевская» деятельность де Витта в рядах французской армии не ограничилась. Помимо польских дел он занимался ещё и обустройством особого агента, которым была... супруга знаменитого генерала Петра Багратиона Екатерина Скавронская (Багратион).

О личной жизни знаменитого полководца у нас почему-то предпочитают умалчивать, ибо личная жизнь Багратиона не сложилась. Однако супруга генерала достойна воспоминания именно как талантливый агент российской разведки.

Дело в том, что, по мнению некоторых историков, у Багратиона был в своё время роман с великой княгиней Екатериной Павловной, имевшей сильный мужской характер и прозвище «смесь Петра Первого и Екатерины Второй». Екатерину Павловну даже прочили в жены Наполеону, но та отказалась от этой сомнительной чести наотрез. Поговаривали в то время (не без оснований) и о том, что великая княгиня после позорного Тильзитского мира брата Александра с Наполеоном готовила дворцовый переворот, чтобы, убрав непопулярного тогда Александра, самой стать императрицей. Для этого ей якобы и был нужен преданный, храбрый и популярный генерал. Им и должен был стать Багратион. Амбиции младшей дочери вполне поддерживала и её мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Однако из этого «екатерининского» заговора ничего не получилось. Узнав о замысле сестры, император Александр принял необходимые меры для своей безопасности. Всё было решено в узком семейном кругу. Екатерину Павловну срочно выдали замуж за двоюродного брата, принца Петра Фридриха-Георга-Ольденбургского, и выслали в Тверь, куда новоиспеченный муж был определен губернатором. Впрочем, несмотря на политическое противостояние, личные отношения великой княгини с братом императором особых изменений не претерпели. Александр, как и прежде, любил и уважал свою своенравную младшую сестру более, чем всех иных братьев и сестер.

Пострадал в результате своей преданности Екатерине Павловне лишь Петр Багратион, однако и его наказание было весьма оригинальным. Популярного генерала во избежание дальнейших недоразумений быстро женили на восемнадцатилетней московской красавице Скавронской, которую, по иронии судьбы, как и великую княжну, звали Екатериной Павловной. При этом Александр I знал, что генерал испытывает к юной красавице весьма нежные чувства. Что касается чувств Скавронской к Багратиону, то они никого не интересовали. Ко всему прочему Скавронская приходилась знаменитому генералу... внучатой племянницей. Как вскоре выяснилось, нравственность молодой жены прославленного генерала оставляла желать много лучшего. Уже до свадьбы у Скавронской была длительная любовная связь с графом П.П. Паленом. Об этом знала вся Москва, знал об этом и Петр Багратион. Почти сразу же из-под венца Екатерина Багратион демонстративно уехала в Европу, чтобы уже никогда не увидеть своего нелюбимого, хотя и знаменитого мужа.

У нас нет никаких документальных данных относительно участия де Витта в «деле Екатерины Павловны». Однако тот факт, что именно к этому времени де Витт становится личным тайным агентом императора Александра I, что именно он установил деловые отношения со всеми главными участниками этой интриги, включая великую княгиню, генерала Багратиона и его молодую жену, наводит на мысль, что де Витт всё же имел к заговору какое-то отношение. Вполне возможно, что участием в событиях, связанных с великой княгиней, и стало последу-

ющее доверие к талантливому разведчику со стороны Александра. Кроме того, внезапный уход с российской службы де Витта в 1807 году, как раз в самый разгар раскрытия «заговора Екатерины Павловны», и его срочный отъезд во Францию одновременно с супругой Багратиона наводят на мысль о далеко не случайных совпадениях всех этих событий.

Екатерина Багратион остановилась в Вене и имела там большой успех. Её красота и фамилия знаменитого мужа влекли к ней всех – от поэтов до наследных принцев. Багратион шила умопомрачительные наряды и устраивала роскошные балы. Гёте говорил о ней: «При своей красоте и привлекательности она не могла не собрать вокруг себя замечательного общества». Ей предлагал руку и сердце наследный прусский принц Людовик. Что касается самого генерала Петра Багратиона, то он несколько раз звал жену домой, но, поняв, что она к нему никогда не вернется, безропотно оплачивал все её фантастические счета.

Вскоре дом Екатерины Павловны Багратион в Вене стал настоящим светским салоном. Именно здесь стали собираться самые влиятельные сановники австрийской империи, симпатизирующие России и ненавидевшие Наполеона.

Биограф Екатерины Багратион Л. Репин пишет: «К Екатерине Багратион стекаются ценнейшие сведения, которыми она распоряжается в интересах своего Отечества. Именно в это время она становится любовницей австрийского канцлера Меттерниха, покоряет его совершенно, уговаривает его привести Австрию на сторону России. Первая русская разведчица высокого полета! Известно, что агенты Бонапарта следили за ней в Вене и сообщали в Париж о тайной деятельности Екатерины Багратион. Фамилия Бонапарту была куда как более знакома. Всю войну 1812 года Катя Багратион переправляла в Россию секретные сведения, добытые ею на полях любовных сражений. Её личным адресатом был император Александр Первый, в прошлом тоже делившей с ней ложе».

Получается, что император Александр имел в Европе двух личных тайных агентов: Екатерину Багратион и Ивана де Витта. Естественно, что они прекрасно знали друг друга, а порой и успешно сотрудничали, когда того требовали интересы дела.

Петр Багратион знал о сотрудничестве де Витта со своей женой, тем более что Витт числился резидентом его 2-й армии. Возможно, кое-что знал он и об участии де Витта в «заговоре Екатерины Павловны». Тем интересней для нас характеристика, данная Багратионом де Витту. И хотя эта характеристика по-суворовски лаконична, она весьма информативна: «Лжец и двуличка, хотя и полезен на службе...» Из этого можно сделать вывод, что прямодушному Багратиону не нравился род занятий де Витта, в том числе и тайные отношения с его собственной женой, однако, как человек умный и патриот России, он понимал, что деятельность де Витта чрезвычайно полезна и нужна.

Что касается самого графа, то ему лучше всего удавалась работа с женщинами-агентами. На это у молодого разведчика был просто талант! Кроме того, де Витт, как настоящий профессионал, мастерски умел «консервировать» свою агентуру, ибо знал, что она обязательно пригодится в будущем. Так случилось и с Екатериной Багратион. А потому мы ещё не раз в нашем повествовании встретимся с этой необычной и удивительной женщиной.

В России де Витт появляется неожиданно для всех всего за несколько дней до вторжения наполеоновских полчищ. Почему столь внезапно покинул он Ставку Наполеона, в точности неизвестно. Возможно, что он просто считал к этому времени свою миссию уже выполненной, и теперь ему надо было успеть лично сообщить Александру I о последних планах французского императора. Однако возможно и другое. Как раз в это время в Париже был разоблачен и арестован многолетний агент России полковник Мишель. Вскоре он дал показания, а затем был гильотинирован как изменник. Но перед смертью Мишель, должно быть, спасая свою жизнь, успел рассказать о многом. Секретные службы приняли необходимые меры, но опоздали. Наши оказались проворней. Руководителю русской военной разведки и военному атташе А.И. Чернышеву тогда, хоть и с трудом, удалось бежать в Россию. Когда французские агенты ворвались

в дом российского атташе, там уже было пусто. Лишь в камине догорали последние сожженные бумаги... А потому вполне возможно, что прижатый к стенке Мишель, в надежде спасти свою жизнь, рассказал все, что знал и о де Витте. Однако тот, вовремя предупрежденный Чернышевым, всё же успел спастись.

Но, даже спешно возвращаясь в Россию, де Витт умудряется оставить в Польше свою агентуру. Он понимает, что настоящая игра ещё только начинается и его связи будут очень скоро востребованы.

Мы не знаем, как отреагировал Наполеон на известие, что его личный тайный агент оказался профессиональным русским разведчиком. Однако думается, что эта реакция была достаточно бурной, ведь Наполеон понимал, что теперь, не говоря уже о многочисленных военных секретах, его самые интимные тайны станут достоянием русского императора. И главное, несмотря на всё своё могущество, он был бессилён покарать человека, так ловко обманувшего его! В своих мемуарах Наполеон обходит этот случай молчанием. Впрочем, что он мог там написать?

Тем временем, сделав доклад командующему 1-й армией, де Витт был спешно отправлен в Петербург, где его уже с нетерпением ждали император Александр и новый комендант императорской квартиры полковник А.И. Чернышев. Конфиденциальная беседа вернувшегося разведчика и российского императора длилась несколько часов. Александру, скорее всего, очень важно было узнать самые последние новости из французской Ставки, касающиеся расклада политических сил в Европе, наблюдения Витта о поведении и высказываниях в узком кругу Наполеона. Из императорского кабинета де Витт вышел уже с приказом о новом назначении.

В другое время появление в Петербурге известного дезертира и изменника, наверное, наделало бы немало шума, но в те дни страна вступала в Отечественную войну, и о де Витте почти и не вспомнили. Куда по логике вещей мог назначить только что прибывшего из вражьего стана агента император Александр? Скорее всего, в действующую армию, чтобы там, на месте, заниматься разведкой. Но нет! Для Витта было припасено совсем иное назначение, полностью соответствующее его таланту.

В огне сражений

В Петербурге де Витт встретился с матерью, которая в преддверии французского нашествия перебралась в столицу. Любопытно, что после изгнания французов члены правительства учрежденного Наполеоном Варшавского герцогства пытались именно через Софью Потоцкую наладить связи с императором Александром.

В Петербурге де Витт задержался ненадолго. Теперь путь разведчика лежал в Киев, где ему (как гласил высочайший рескрипт) надлежало сформировать резервные казачьи полки из украинцев и лояльных России поляков.

Дело в том, что на Левобережной Украине в начале XIX века население не поставляло рекрутов. Военскую повинность несли тогда лишь жители Подольской губернии. Для остальных была предусмотрена только конская повинность, т. е. выделение ремонтного поголовья для кавалерии и обозных лошадей. Но столь велико было желание широких кругов жителей Украины включиться в непосредственные боевые действия против Великой армии Наполеона и его союзников, что Александр I согласился на формирование в пределах Киевской и Подольской губерний четырех конных полков. Войско формировалось «из людей к казачьей службе способных и издавна навыком и охотой к ней известных». В нём проявились, с одной стороны, реорганизация традиционно-казачьего войска, а с другой – преемственность казачьего быта. Достаточно внушительное по тем временам конное соединение в 4700 человек формировалось по территориальному признаку, когда каждый уезд полностью снаряжал и вооружал два эскадрона около 300 человек. От набора казаков отказались лишь в Херсонской губернии из-за эпидемии чумы.

Патриотический порыв был настолько велик, что все полки были полностью отмотобилизованы за два месяца, и уже 6 сентября 1812 года, в канун Бородина, двинулись на фронт. Несколько слов о принципе формирования и правах казаков. Поставка одного казака засчитывалась селениям за два рекрута. Полки де Витта были сформированы на период войны и должны были после её окончания быть распущены, но предусматривалось, что казаки остаются казаками, а потому они должны будут и впредь иметь наготове коня, обмундирование и оружие, находиться в боевой готовности и по первому приказу являться в свой полк. За это они пожизненно освобождались от всех налогов и государственных повинностей.

Украинские казачьи полки начали создаваться по так называемому предварительному распоряжению от 5 июня 1812 года. Темпы формирования были высочайшие. В течение какого-то месяца были укомплектованы, вооружены и обучены четыре полка. В полки «поступали мещане, цеховые, помещичьи, казенные, экономические, ранговые и старостинские крестьяне... с обязанностью иметь лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по образцу». На командирские должности «приглашались отставные обер— и унтер-офицеры, чиновники, служившие в милиции, и чиновная шляхта».

Из биографии де Витта: «Ему (де Витту. – В.Ш.) было поручено формирование четырех казачьих полков на Украине. Казаки набирались из крестьян, чиншевой шляхты и мещан, со 152 ревизских душ по человеку, всего 4800 человек. 3 полка восьмиескадронного состава были набраны в Киевской губернии и один в Подольской. 14 июня 1812 года граф Витт был назначен бригадным командиром украинских казачьих регулярных полков, им же сформированных... С этими-то полками он принимал участие в войнах Отечественной и за освобождение Европы».

Украинские казаки получили собственную форму: темно-синие полукафтаны и серые шаровары, черные казачьи шапки, вооружение: сабли, карабины, пистолеты и пики с черными древками. На пиках крепились матерчатые флюгера. Своеобразной была структура полков де Витта: полки делились не на сотни, а на эскадроны. Весь личный состав комплектовался по казацкой традиции из добровольцев, включая и командиров.

За то, что де Витт сумел сформировать полки в кратчайшие сроки, он был удостоен высочайшей благодарности. Кроме того, четыре полка, согласно структуре российской армии, образовывали не бригаду (которая включала в себя обычно два полка), а дивизию, состоящую из двух бригад. Было очевидно, что бригадные штаты для полноценно сформированной конной дивизии – явление временное, и рано или поздно они будут пересмотрены. Явно не соответствующий количеству полков бригадный штат можно объяснить недостатком командных кадров. В преддверии войны шло интенсивное формирование новых соединений, и опытных военачальников не хватало. Что касается де Витта, то он, будучи полковником, не мог быть сразу назначен на должность начальника дивизии, соответствующую генерал-лейтенантскому чину. Именно поэтому он был назначен бригадным начальником с последующим производством в генерал-майоры и перспективой получения на той же должности впоследствии генерал-лейтенантских эполет. Что и говорить, аванс, данный Александром де Витту, был весьма большим!

Итак, в сентябре 1812 года де Витт двинул свои полки форсированным маршем в район Луцка на соединение с 3-й армией генерала Торماسова, противостоявшей австрийскому корпусу Шварценберга и саксонскому корпусу Ренье. Армия Торماسова прикрывала юго-западную часть России и действовала на коммуникационных линиях неприятельских корпусов. С прибытием казачьих полков де Витта и других пополнений армия Торماسова превратилась в достаточно внушительную боевую силу, сковавшую крупную объединенную группировку противника.

В сентябре в тот же стратегический район прибыла ещё одна армия, Дунайская, под командованием адмирала Чичагова, разместившаяся по реке Стырь. Теперь обе армии прикрывали Подолию и Волынь. Казаки де Витта действовали на широком фронте от Острога до Борисова, совершая боевые рейды в качестве «летучих отрядов» и на территорию Варшавского герцогства. Казаки де Витта участвовали в освобождении Бреста, Минска, Борисова, дрались на берегах Вислы и Одера. В октябре 1812 года де Витт был произведен в генерал-майоры.

В октябре 3-я и Дунайская армии были объединены под общим командованием Чичагова, а Тормасов переведен на место Барклая-де-Толли – стал командовать пятью корпусами. Группа войск Чичагова выдержала натиск отступающих корпусов Наполеона на Березине. В Березинском деле де Витт не раз водил свои полки в атаку против того, кто ещё совсем недавно сделал его своим личным тайным агентом и осыпал всевозможными милостями. Наполеону удалось вырваться из березинского ада, но из 30 тысяч войск он потерял там 20.

Однако все же думается, что формирование Уланской дивизии было отчасти лишь прикрытием совсем иной деятельности де Витта или по крайней мере сопутствовало ей. Принимая во внимание всю предыдущую и последующую деятельность де Витта, вполне можно предположить, что и на Украине де Витт занимался не только формированием конных полков, но, используя свои старые агентурные связи, вел работу по отторжению поляков от Наполеона, засылал агентов, дезинформировал польскую аристократию относительно российских и французских планов. Судя по дальнейшему развитию событий, де Витту удалось найти в тот момент единомышленников среди ясновельможной шляхты. После оставления Наполеоном Москвы исход русской кампании уже ни у кого не вызывал сомнения. Было очевидно, что русская армия в самом скором времени займет Польшу. Разумеется, польские аристократы не без оснований опасались репрессий за поддержку французов и своё активное участие в походе на Москву.

Иван де Витт стал той фигурой, через которую они могли получить информацию о настроениях в российских верхах относительно своего будущего и просить снисхождения к своей судьбе. Разменной картой в этих переговорах были гарантии польской шляхты не допустить превращения Польши в партизанский край и их готовность к сотрудничеству с Петербургом. Именно для этих столь важных и сложных переговоров де Витту и надо было находиться не в ведущей ожесточенные бои действующей армии, а на спокойной Украине. Только оттуда он мог быстро и легко сноситься со своими польскими конфидентами, получать необ-

ходимую информацию и реагировать на быстро меняющуюся ситуацию. А ситуация в Польше менялась весьма быстро. Чем хуже шли дела у Наполеона в России, тем больше появлялось сторонников у де Витта в Польше.

Как известно, вступившая в пределы Польши российская армия не была встречена партизанским движением. Профранцузски настроенные поляки бежали вслед за своим благодетелем на Запад, а остальные притихли, надеясь на обещанное снисхождение. Император Александр был к покаявшимся предельно милостив, тем более что перед ним лежали подробнейшие списки деяний этих лиц и их исчерпывающие характеристики. Об этом де Витт тоже успел заранее позаботиться...

После потери Варшавы отступающие французы разделились. Австрийцы и поляки стали отходить на Краков, а генерал Ренье с остатками саксонских войск и французской дивизией Дюрютта отошел к Калишу, где дал отдых измученным войскам, не выставил даже авангарда. Тем временем Кутузов выслал вдогонку Ренье корпус Винценгероде. Корпус был составлен наскоро. Авангард корпуса под началом генерал-майора Ланского составили два гусарских полка, конная батарея и три казачьих полка де Витта. Причем казаки шли в передовом дозоре. На подходе к Калишу де Витт выяснил, что французы не имеют даже выставленных дозоров, о чём тут же доложил Винценгероде. Тот принял решение о немедленной атаке. Бой начался ранним утром 1 февраля стремительной атакой гусар и казаков во главе с Ланским и де Виттом. Они стремительным ударом опрокинули несколько неприятельских полков и перерезали французам путь отхода. Вскоре подоспела пехота и атаковала деревни, где квартировали французы и саксонцы. Отрезанные друг от друга, французы и саксонцы сопротивлялись ожесточенно, но недолго. Первыми оружие сложили саксонцы, окруженные в деревне Коканин, только три роты с большими потерями сумели прорваться к Калишу. В селе Боркове отчаянно оборонялся генерал Ностиц, надеясь на помощь извне, но, не дождавшись таковой, тоже вскоре сложил оружие. В деревушке Павловек саксонцы стали в каре и, отбиваясь от казаков де Витта, стали двигаться на запад. Ренье выслал было им в поддержку конницу, но она была опрокинута Ланским. А казаки де Витта уже занимали предместья Калиша. Когда к Калишу пробивались главные силы французов, им удалось потеснить казаков, но ненадолго. Ожесточенный бой прекратился только ночью, французы начали отход на Глогау. Часть сил под началом генерала Габленца отошла к Ченстохову и соединилась с отрядом князя Понятовского, но соединиться с главными силами Ренье так и не смогла из-за непрерывных атак казачьих полков.

Утром 2 февраля Калиш был занят нашими войсками. Потери русской армии составили 670 человек, французы и саксонцы потеряли более 1500 человек, ещё столько же сдались в плен.

Из биографии де Витта: «В ноябре 1812 года он (де Витт. – В.Ш.) участвовал в делах под Лошницей и Меджиричем (11 ноября); 1 февраля отличился при взятии Калиша и получил за это ордена Святого Георгия 3 степени и Святого Владимира 3 степени». В феврале 1813 года де Витт был назначен «за боевые отличия» шефом 1-го Украинского казачьего полка с сохранением прежней должности.

Георгиевский крест был самой престижной и желанной наградой российских офицеров, а потому давали его нечасто и за конкретные выдающиеся подвиги. Иван де Витт получил за Калиш сразу Георгия 3-й степени, минуя 4-ю! Такие награждения были большой редкостью, и их давали за действительно выдающийся подвиг. За Калишское сражение де Витт, ко всему прочему, был удостоен ещё одного весьма престижного ордена – Святого Владимира. Это говорит о том, что вклад де Витта в победу русской армии под Калишем был действительно выдающимся. В послужном списке графа на сей счёт сказано следующее: «Граф, генерал-майор де Витте Иван Осипович в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против саксонских войск 1-го февраля при Калише 22 февраля 1813 года удостоен Георгия 3-й степени». Вместе с Виттом Георгиевские кресты за Калиш получили знаменитый коман-

дир Александрийского гусарского полка князь Валериан Мадатов, генералы Ренин, Никитин и Шаховский. Именно после Калиша о де Витте и о князе Мадатове заговорили в армии, как о двух выдающихся и перспективных кавалерийских военачальниках.

При Калише среди казаков де Витта отличился его подчиненный ротмистр Александр (Али) Чеченский. Он с передовым отрядом первым из казаков ворвался в предместье города Дрездена. Вскоре по представлению де Витта храбрый чеченец был назначен командиром 1-го Бугского казачьего полка.

В апреле 1813 года корпус Сакена осадил польскую крепость Ченстохов. После установки батарей начался обстрел города, но едва в Ченстохове начался пожар, Сакен велел прекратить огонь из-за боязни за хранимую в городе чудотворную икону Пресвятой Богородицы, чтимую в России много веков. После этого комендант крепости запросил перемирия на 24 часа, после чего написал капитуляцию. Первыми в сдавшийся город вступили казаки де Витта. При вступлении в город настоятель и братия местного монастыря поднесли генералу Сакену список с чудотворного образа Ченстоховской иконы Божьей Матери. Впоследствии он был доставлен в Санкт-Петербург и установлен в Казанском соборе с негасимой лампадой.

А затем было участие в заграничном походе 1813–1814 годов. Свою миссию в Польше генерал де Витт исполнил примерно, а потому теперь вполне мог проявить себя и на полях воинской чести. Командуя сформированной им украинской Уланской дивизией, де Витт принимает самое непосредственное участие практически во всех значительных сражениях той беспримерной кампании. В дальнейшем полки де Витта сражались в составе корпуса генерала Сакена.

В 1814 году полки де Витта входили в так называемый «летучий отряд» графа М. Воронцова. Помимо трёх казачьих полков де Витта в него входили два егерских полка, несколько гренадерских батальонов и артиллерийских рот, гусарских и уланских эскадронов. Отряд тревожил тылы наполеоновской армии, участвовал во многих стычках на территории Германии.

Отметим следующий любопытный факт. Корпус Сакена действовал в составе армии Блюхера, и де Витт вскоре установил личные дружеские отношения с прусским маршалом. Сакен по этой причине часто просил его лично ездить в Ставку к Блюхеру для решения и согласования различных вопросов по взаимодействию русского корпуса и прусских войск. Это лишнее раз говорит об удивительной коммуникабельности де Витта и его умении находить общий язык с совершенно различными людьми.

После сражения при Шампобере де Витт был отправлен Блюхером 29 января 1814 года в Труа в главную квартиру князя Шварценберга за известиями, а затем принял участие в сражении под Лоаном. С 8 по 16 марта де Витт со своим отрядом истребил «неприятеля, скрывавшегося под видом жителей и возмущавшего их к поднятию оружия». 18 марта он участвовал в военных действиях под Парижем. За кампанию 1814 года по личному представлению Блюхера де Витт получил прусский орден Пур ле Мерит и Красного орла 1-й степени.

Дело в том, что действия казачьих войск при столкновении огромных регулярных армий не включали в себя участие собственно в сражениях и фронтальных атаках на неприятеля. Для этого существовали другие конные соединения, в первую очередь кирасиры. Казаки выполняли совсем иную функцию: дозорную службу, сбор разведывательной информации, действия на коммуникациях и в тылу противника, нападения на отдельные небольшие части и обозы, прикрытие собственных коммуникаций и тылов. Для этого казачьим командирам нужны были такие качества, как предприимчивость, дерзость и выносливость. Всеми этими качествами, думается, в полной мере обладал де Витт. Не нуждается в особых комментариях вклад де Витта в победу при Кацбахе, за что он был удостоен высшей степени – Анненского креста.

Прусская армия не имела в своем составе частей, подобных казачьим, и испытывала в них большую нужду. Именно по этой причине полки де Витта и были подчинены Блюхеру. Любопытен факт командировки де Витта на главную квартиру в разгар боев с противником.

Скорее всего, это было связано не только с поездкой «за известиями», но и с выполнением некой очередной специальной миссии. Возможно, казакам де Витта удалось захватить некие особо ценные документы, возможно, что-то ещё.

Интересен и факт борьбы отряда де Витта с «неприятелем, скрывавшимся под видом местных жителей». Говоря современным языком, казаки де Витта провели спецоперацию по зачистке захваченной территории. Сегодня такие операции проводит спецназ. В биографии отмечается успешность проведенной Иваном Осиповичем операции. Ему лучше всего удавались неординарные поручения, требующие не только личной храбрости и знаний общекавалерийского командира, но особых знаний о противнике, военной хитрости и даже некой особой интуиции.

Почти во всех боях вместе с Иваном участвовал и его сводный брат – Станислав Потоцкий. Отличившийся ещё на кровавом поле Аустерлица, он прошел затем Фридрихсбург и Бородино. В бригаде де Витта Потоцкий командовал 1-м Украинским казачьим полком. За храбрость при Калише полковник Потоцкий получил Владимира 3-й степени, а за Лейпциг был удостоен генерал-майорских эполет и Георгия 4-й степени. Молодому Потоцкому явно благоволил сам Александр I. За взятие Парижа Станислав Потоцкий стал уже кавалером Анны 1-й степени.

19 августа 1814 года де Витт был официально назначен начальником Украинской казачьей дивизии, а его четыре полка были, соответственно, сведены в две бригады. Тогда же за подвиги в Отечественную войну и заграничные походы всем украинским казачьим полкам были пожалованы серебряные трубы.

Закончилась война, и российская армия потянулась в родные пределы. Местом дислокации конной дивизии была определена Южная Малороссия, а полки определены в состав 2-й (Южной) армии, оберегающей границы с Турцией. Однако командир казачьей дивизии генерал-майор де Витт, сдав дела и проводив свои полки в Россию, сам туда не торопился. Он инкогнито перебирается в Вену. Начинается новый этап в биографии талантливого резидента.

За кулисами Венского конгресса

Итак, сразу же после окончания войны Иван де Витт был назначен командиром Украинской казачьей дивизии, однако новое назначение было пока чисто номинальным. Генерал занимается делами совершенно иными, чем командование вверенными ему войсками.

В Париже Иван Осипович познакомился с баронессой Барбарой Юлианой фон Крюденер. Одно время она была известна как модная писательница. Первый свой роман «Валерия» она издала в Париже в 1803 году. Роман был слабый, но Крюденер проявила феноменальные способности к рекламе и книга имела успех. О Крюденер заговорили в свете. Она становилась модной.

В 1805 году баронесса, находясь в Риге, познакомилась с учением «моравских братьев» о внезапном «пробуждении» и сразу же стала ревностной сторонницей этого учения, при этом начала активно распространять его в Европе. Королева Луиза Прусская оказалась первой и очень восприимчивой ученицей.

Затем Крюденер путешествовала из города в город и проповедовала, поражая своих слушателей пророчествами. Она рассказывала о борьбе между темным ангелом – Наполеоном и светлым – Александром I. Баронесса прошла по всей Швейцарии. Она переполошила Базель, и власти вынуждены были изгнать её оттуда. В Бадене её приветствовала восторженная толпа. В 1814 году фрейлина Елизаветы Алексеевны Стурдза, с которой баронесса Крюденер сблизилась в Карлсруэ, познакомила её с императрицей. Внутренний голос говорил баронессе, что это только начало. Она мечтала сблизиться и с самим Александром I. Подруга-фрейлина сделала всё, чтобы их встреча состоялась как можно скорее. Крюденер писала фрейлине письма, полные таинственных предсказаний, а та показала одно из писем императору, велевшему ей написать баронессе, что встречу с ней он сочтет за счастье. Затем баронесса написала фрейлине, что ей открылось величие миссии императора и что есть множество вещей, которые она должна срочно ему сообщить.

4 июня 1815 года Александр I прибыл в Хейльбронн, где находилась главная квартира русской армии. Потом император рассказывал Стурдзе: «Первым моим движением было взять книгу, которая всегда со мною; но отуманенный рассудок мой не проникал и смысл читаемого; мысли мои были бессвязны, сердце стеснено. Я оставил книгу и думал, каким бы утешением была для меня в эту минуту беседа с сочувствующим душевно мне человеком. Эта мысль напомнила мне о вас и о том, что вы мне говорили о г-же Крюденер, а также и о желании, высказанном мною вам, познакомиться с нею... Не успел я остановиться на этой мысли, как услышал стук в дверь. Это был князь Волконский; с видом нетерпения и досады он сказал мне, что поневоле беспокоит меня в такой час только потому, чтобы отделаться от женщины, которая настоятельно требует свидания со мною, и назвал госпожу Крюденер... Мне казалось, что это сновидение... Я принял её тотчас же».

Через два дня император переехал в Гейдельберг. Неподалеку от его дома поселилась и баронесса. По вечерам Крюденер беседовала с императором, и эти разговоры разгоняли его тоску. Когда русские войска вошли в Париж, Александр I пригласил туда баронессу. Она осталась в отеле, недалеко от Елисейского дворца. Они вместе проводили вечера в беседах. Когда император не мог встречаться с баронессой, он обменивался с ней письмами, которые передавал де Витт. Таким образом, генерал был посвящен не только в отношения двух мистиков, но и успел изучить основные принципы учения баронессы Крюденер. И к баронессе, и к её учению де Витт относился крайне негативно, хотя вынужден был это скрывать.

Через некоторое время отношение императора к Крюденер резко изменилось. Вполне возможно, не без участия де Витта. Вспоминая впоследствии о встречах с баронессой, император писал: «Я очень скоро увидел, что этот свет был не что иное, как блудящий огонь».

Охлаждение к Крюденер особенно усилилось, когда она стала публично высказывать мысль об освобождении греков от турецкого владычества, которое, по словам баронессы, непременно должен был осуществить Александр I. В 1824 году баронесса умерла, но идеи её, как оказалось впоследствии, её пережили. Пройдут годы, и де Витту ещё раз придется столкнуться с наследием баронессы.

А пока граф по секретному предписанию Александра I спешит в австрийскую столицу, чтобы ещё до официального начала Венского конгресса, которому предстояло определить судьбу послевоенной Европы, подготовить новую и обновить старую агентуру. Борьба на конгрессе предстояла нелегкая. Изначально стало очевидно, что среди участников конгресса нет даже видимого единства.

Каждый преследовал свои личные цели. Англия стремилась к экономическому господству в Европе, к усилению Пруссии в противовес как Франции, так и России, созданию у границ Франции барьера из соседних королевств и сохранению за собой захваченных французских и голландских колоний. Австрия, в свою очередь, делала все возможное, чтобы не допустить усиления России и Пруссии и обеспечить свою гегемонию в германских княжествах и влияние в итальянских государствах. Пруссак спали и видели, как заполучить Саксонию и земли на Рейне. Однако это очень не нравилось Австрии и Франции, предпочитавшим видеть самостоятельную Саксонию буфером у границ Пруссии. Что касается России, то она намеревалась создать Польское королевство под своим протекторатом. Последнее вызывало недовольство и Англии, и Австрии, и Франции. Что касается последней, то с помощью хитромудрых интриг Талейрана ей удалось не только встать с позорной скамьи побежденного государства-агрессора, но выдвинуться в число руководящих государств.

Необходимость присутствия в Вене столь опытного в европейских делах агента была для Александра I очевидна. Дело в том, что российский император, принимая во внимание решающую роль России в борьбе против Наполеона, требовал для неё и территориальных приращений, путем воссоединения под его скипетром в единое государство с конституционным образом правления великого герцогства Варшавского и всей остальной Польши. Это стремление, естественно, вызвало недовольство не только Англии и Австрии, но и внешне союзной Пруссии. Побороться за влияние на Польшу собиралась даже побежденная Франция. Польский вопрос грозил стать для России на Венском конгрессе самым главным, а потому присутствие под рукой опытного и сведущего в польских делах разведчика было для Александра I просто необходимо.

Чтобы развязать де Витту руки, он не был включен в состав российской делегации как официальное лицо, а действовал частным образом, порой же и вовсе на свой страх и риск, чтобы в случае провала не подставить российскую делегацию. По этой причине в Вене Иван Осипович держался более чем незаметно. В отличие от своего недавнего пребывания в Варшаве, в Вене он не посещал ни балов, ни официальных приемов. У опытного разведчика на сей раз были иные цели. В частных беседах с дипломатами различных государств он зондировал те или иные политические вопросы, затем докладывал Александру, подкупал обслуживавших европейских монархов лакеев, которые информировали его о происходивших неофициальных беседах.

В ходе переговоров австрийский канцлер Меттерних затеял чрезвычайно сложную многоходовую интригу, успех которой позволил бы Австрии единолично присвоить себе все выгоды закончившейся войны и встать во главе ведущих держав Европы. Суть интриги заключалась в том, чтобы вначале совместно с Англией постараться разъединить союз Пруссии и России и таким образом с большой легкостью расстроить планы России относительно Польши, а затем уже с помощью обманутой России помешать Пруссии в её германских планах. С ведома Меттерниха министр Кестльри объяснил Александру I, что объединение Польши под его началом являлось бы крайне опасным для европейского спокойствия. Одновременно прусскому

королю внушалось, что Австрия готова отдать ему Саксонию, если тот будет готов служить оплотом против России. Расчет Меттерниха был таков, что, польстившись на Силезию, Пруссия предаст Россию и та окажется на конгрессе в одиночестве. Гордый и обидчивый император Александр навсегда разругается с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом, после чего последний уже никак не сможет рассчитывать на помощь русского царя в последующей борьбе с Австрией. В этой борьбе Австрия должна была отказать Пруссии в Саксонии, сославшись на сопротивление этому Баварии и других мелких германских княжеств. Таким образом, Меттерних хотел добиться двойного успеха. После этого австрийский канцлер считал, что ему уже ничего бы не стоило договориться с Англией и указать своё место Франции.

Этот хитромудрый и весьма дальновидный план не удался из-за успешной деятельности российских разведчиков, сумевших разузнать отдельные детали меттерниховского замысла и уже из них сложить примерную картину готовящейся дипломатической диверсии. Среди тех, кто добывал столь необходимую для российской делегации информацию, был генерал де Витт.

Поняв, куда клонит Меттерних, Александр I провел собственные тайные переговоры с главой французской делегации Талейраном и добился от него согласия не препятствовать присоединению Польши к России. Что касается прусского короля, то Александр просто-напросто приехал к нему и напомнил о тех услугах, которые Россия совсем недавно оказала поверженной в прах Пруссии. Пристыженный Фридрих-Вильгельм дал клятвенное обещание более не слушать козней Австрии, а держаться за Россию. В свою очередь, Александр заявил королю, что согласен на присоединение к Пруссии Саксонии.

Свои слова российский император подкрепил делом. Тотчас все русские войска очистили Саксонию, и её немедленно заняла прусская армия. Великий князь Константин овладел великим герцогством Варшавским, объединив его с принадлежавшей России частью Польши.

В ответ на демонстративный союз России и Пруссии Франция, Австрия и Англия подписали тройственное соглашение против них. Венский конгресс, по существу, зашел в тупик. Недавние победители внезапно, к своему изумлению, обнаружили, что наибольшую выгоду от всех склок получила побежденная Франция, оставившая в дураках практически всех, кроме России.

Снова начались долгие переговоры, в центре которых опять оказались польские земли. Чтобы не допустить конфронтации и расторгнуть тройственный антирусский и антипруссский союз, Россия с Пруссией пошли на некоторые уступки. Александр I уступил Австрии Краков, Торн, Тарнополь и часть Познани – Пруссии. Однако большая часть бывшего герцогства Варшавского все же оставалось за Россией.

На этом работа конгресса завершилась. Императоры и короли, разъезжаясь, дали друг другу обязательства совместно бороться с проявлением любого революционного духа и вольнодумства.

Во всех этих делах участвовал граф де Витт. Чем только он ни занимался: подслушивал и подсматривал, перлюстрировал и подкупал, влюблял и запугивал. И если в Вене Александр переиграл не только французского министра Талейрана, но и австрийского канцлера Меттерниха, то в том видится немалая заслуга и генерал— майора де Витта.

Именно в Вене Иван де Витт впервые сошелся с флигель-адъютантом императора Павлом Киселевым. Что касается последнего, то он оказался неплохим разведчиком и в ряде случаев хорошо помог графу в получении секретных австрийских бумаг. В непосредственном подчинении у де Витта для тайных дел находился любимец императора, герой Смоленска и Бородинина подпоручик гвардейского Генштаба Василий Перовский, с которым де Витта в своё время будет связывать участие, быть может, в самой секретной операции за всю историю России. К тому же Перовский, возможно, имел самое непосредственное отношение к тайне Георгиевского монастыря, о которой речь пойдет ниже.

В Вене де Витт снова встретился с Екатериной Багратион. К этому времени муж ветреной красавицы уже ушел из жизни, получив смертельную рану при Бородино. Смерть мужа нисколько не отразилась на образе жизни Екатерины. Она все так же меняла любовников и наряды. Но если раньше деньги ей высылал муж, то теперь она их получала в виде пенсии за погибшего супруга.

Во время Венского конгресса Екатерина устраивала у себя в доме роскошные приёмы, на которые прибывали все главы союзных делегаций, включая императора Александра. В салоне Екатерины Багратион решались тогда многие вопросы большой политики. Особенно незаменима светская львица оказалась в той тайной борьбе, которую Александр I вёл с австрийским канцлером Меттернихом. Будучи всё ещё любовницей канцлера, Багратион добывала порой самые тайные данные о планах австрийской политики. В помощники к Екатерине Багратион был определен де Витт. В салоне Багратион весьма часто бывала великая княгиня Екатерина Павловна, уже успевшая к этому времени овдоветь. Любившая всякие тайные дела, сестра императора по-прежнему активно участвовала в добыче секретных материалов и так же, как и мадам Багратион, использовала свой дом в своих целях. С участием де Витта состоялась её помолвка с наследным принцем Вильгельмом Вюртембергским, в результате чего великая княгиня стала вскоре королевой Вюртемберга.

Именно на Венском конгрессе император Александр, видимо, пришёл к выводу, что де Витт – тот человек, которому он может доверять во всём. Именно поэтому он был первым, кого император посвятил в свои тайные замыслы о послевоенном переустройстве российской армии. Это была идея устройства обширных военных поселений. Летом 1814 года на Венском конгрессе император высказал мысль о военных поселениях графу де Витту. Об этом впоследствии рассказал сам Иван Осипович. В Записке, хранящейся в РГВИА, Витт пишет: «В 1814 году, блаженныя памяти Государю Императору на Венском конгрессе угодно было удостоить меня объяснением великую мысль свою о военном поселении...» Но об этом речь в следующей главе.

В целом Венский конгресс стал большой политической победой России. По итогам конгресса предусматривалось лишение Франции всех её завоеваний и создание у её границ государств-барьеров. Сильнейший барьер против Франции составили рейнские провинции Пруссии. Швейцария была усилена за счёт расширения границ и включения в её состав стратегически важных горных перевалов. На северо-западе Италии было восстановлено Сардинское королевство. К России отошло бывшее Великое герцогство Варшавское, получившее название Царства Польского. Австрия вновь установила своё господство в Италии, получила Восточную Галицию и обеспечила себе преобладающее влияние в образованном Германском союзе. Пруссия приобрела часть Саксонии, Познань, а также левый берег Рейна, большую часть Вестфалии, шведскую Померанию и остров Рюген. Объединением Голландии и Бельгии было создано Нидерландское королевство. Норвегия была отдана Швеции. Италия осталась раздробленной. Англия закрепила за собой колонии Голландии и Франции: Мальту, Капскую колонию на юге Африки и Цейлон.

Итоги Венского конгресса следует считать большим успехом России. Получив почти все территории, на которые он имел виды, император Александр I фактически возглавил совет глав европейских государств. Отныне позиции России в Европе становились самыми доминирующими, и именно она являлась гарантом мира и спокойствия на континенте.

Во всех этих дипломатических завоеваниях была и немалая толика труда разведчика де Витта. И пусть его венская работа была не столь эффектной внешне, как деятельность в наполеоновской Ставке, но значение для России она имела не меньшее. Кроме того, ещё более доверительными и близкими стали отношения де Витта с императором. Генерал-майору было разрешено в случае особой необходимости обращаться к императору с секретными делами напрямую и в любое время, минуя при этом все канцелярии и министров. Пройдет совсем

немного времени, и де Витт, в отчаянной попытке предотвратить антигосударственный переворот, воспользуется данным ему правом.

После окончания Венского конгресса де Витт был отправлен во Францию, где состоял при командующем российского оккупационного корпуса графе М. Воронцове. Так как Иван Осипович официально считался командиром казачьей дивизии, в состав штатного генералитета оккупационного корпуса он не вошел, а находился в распоряжении командира корпуса.

Чем же занимался граф? Дел у него хватало. Во-первых, надо было улаживать постоянно возникающие вопросы с местными властями и населением, хватало и других дел. Но не это было главным направлением его деятельности. Дело в том, что в полках оккупационного корпуса начали возникать масонские сообщества, причем входили в них не только офицеры полков, но и адъютанты М. Воронцова: В. Голицын, И. Ягницкий и А. Лобанов-Ростовский.

Академик С. Окунь в своем труде «История СССР 1796–1825 гг.» пишет: «А знаете ли вы, заявил Меттерних (канцлер Австрии. – В.Ш.), единственный и истинный мотив нежелания императора Александра видеть хотя бы только один корпус армии – всего десять тысяч человек – расположенным за границей? Это его убеждение, что корпус перейдет на сторону врагов». Разумеется, речь здесь не идет о переходе корпуса на сторону Наполеона. Речь идет об опасении российского императора, что офицеры могут быстро проникнуться «якобинством», т. е. масонством. При этом Александр прекрасно понимал реальность такой угрозы. Именно поэтому при оккупационном корпусе ему нужен был такой опытный специалист-контразведчик, как Иван де Витт.

Биограф М. Воронцова О. Захарова в своей книге «Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов» пишет: «Подозрение властей в том, что русский корпус “офранцузился”, то есть в нём сильны революционные настроения, было также одной из причин внимания Санкт-Петербурга к деятельности М.С. Воронцова на посту командующего корпусом во Франции. М.С. Воронцов был крайне уязвлен этими подозрениями в свой адрес, которые, с одной стороны – ставили под сомнение всю его государственную карьеру как военного и государственного деятеля... О сложности во взаимоотношениях с властями в этот период Воронцов не пишет никому, кроме Закревского (близкий друг Воронцова. – В.Ш.), он старается не говорить на эту тему с родными и с окружающими, которые заметили его плохое настроение, но связали это с ухудшением здоровья». Вполне возможно, что всё закончилось бы не столь благополучно, если бы не де Витт. Без излишней огласки и шума он сумел провести ряд «оперативных мероприятий». Они сразу же сбили волну «омасонивания» офицеров. С вступившими же в тайные ложи офицерами были проведены соответствующие беседы, после чего масонско-якобинские страсти в корпусе сразу поутихли. Когда же в октябре 1818 года император Александр вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом прибыл в Киеврен для смотра корпуса, де Витт произвел доклад Александру, который вполне его удовлетворил. Разумеется, что деятельность де Витта скрепила и дотоле вполне близкие его отношения с М. Воронцовым. Отметим, что, несмотря на большую озабоченность властей революционным настроением офицеров оккупационного корпуса, в мятеже декабристов приняли участие только несколько человек из состава этого бывшего корпуса. Почему большинство офицеров отказалось по возвращении на родину от активной масонской деятельности? Вполне возможно, что благодаря именно своевременной «профилактической» работе де Витта.

В 1818 году М. Воронцов, вполне возможно, не без участия де Витта, знакомится в Париже с его кузиной, графиней Елизаветой Браницкой, и вскоре просит её руки у матери – графини А.В. Браницкой, любимой племяннице знаменитого князя Г. Потемкина. Свадьба состоялась в Париже 20 апреля (2 мая) 1819 года. Отметим, что посаженным отцом невесты на свадьбе был герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо.

Пока Иван Осипович решал дела политические, его мать, Софья Потоцкая, в том же, 1815 году выкупила из казны имение на южном берегу Крыма – знаменитую Массандру, уди-

вительно живописное местечко с целебным воздухом. Прекрасная фанариотка мечтала основать здесь большой город.

В одном из путеводителей по Крыму в 1834 году сообщалось, что Массандра известна «гигантским проектом, который 15 лет назад был составлен... графиней Софьей Потоцкой, желавшей заложить здесь основание городу». Для будущего города было уже придумано весьма тенденциозное название – Софиеополь.

В 1815 году Потоцкая подарила верхнюю часть имения, так называемую Верхнюю Орланду, своему старшему сыну.

Во главе военных поселений

В 1814 году полки русской армии вернулись на родину. Однако если вначале предполагалось после войны распустить полки, то затем было решено оставить их, как постоянное формирование. Казаков отпустили по домам с обязательствами «по первому требованию» являться в полк. Офицеры оставались на действительной службе и должны были иметь «полные сведения о состоянии и занятиях подчиненных казаков» в мирное время. Так продолжалось до 1817 года, когда эти полки были упразднены, и бывшие казаки включены в состав военных поселенцев.

В июне 1816 года 1-й, 2-й, 3-й и 4-й украинские казачьи полки Ивана де Витта были переименованы соответственно в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й уланские и одновременно были включены в состав армейской кавалерии как 3-я Украинская уланская дивизия. В командование новосозданной дивизией сразу же вступил Иван Осипович. Теперь он был дивизионным начальником уже не только де-факто, но и де-юре. Отныне бывшие казачьи полки становились регулярными кавалерийскими соединениями.

А затем де Витт вступил на новое поприще – ему была поручена организация военных поселений на юге России. Окончательно вопрос о создании военных поселений решился в 1816 году. Отметим, что кроме императора в этот круг входили только Аракчеев, Ермолов, генерал-лейтенант де Витт и чиновник канцелярии императора Самбурский.

В 1817 году де Витту было поручено формирование ещё одной дивизии – Бугской уланской, на этот раз на базе 3-го и 4-го полков своей дивизии и Бугского казачьего войска. Вместе с Украинской уланской дивизией она должна была стать основой будущего военного поселения.

Сведений о том, как восприняли новость малороссийские казаки, информации нет. Однако можно предположить, что особого восторга у призванных по случаю войны мещан и крестьян это известие не вызвало. Но на этом преобразование казачьих полков не закончилось. Именно на их базе было решено сформировать корпус резервной кавалерии, основу которого составили бы военные поселения на юге России. Задача, прямо скажем, была весьма непростая. Предстояло неким образом совместить казацкую традицию с дисциплиной регулярной армии.

Создание военных поселений шло непросто. До этого никто подобных вопросов не решал. Теперь помимо военной деятельности Ивану де Витту предстояло решать и бесчисленные хозяйственные вопросы, связанные с размещением тысяч людей в военизированных поселениях, с их обустройством и военной подготовкой.

Казачьи традиции быстро преобразовались в уланские, и вскоре на офицерских пирушках уже всюду пели новые песни:

Кто два раза в день не пьян,
Тот, простите, не улан!

Император Александр придавал большое значение поселенным войскам и внимательно следил за их образованием и становлением. В начале мая 1818 года, находясь на юге России, он приехал на смотр только что сформированной Бугской уланской дивизии и остался ею весьма доволен. «Всё, что я видел сегодня, превзошло мои ожидания!» – объявил он де Витту. За устной высокой оценкой почти сразу же последовала и официальная награда. Уже 6 мая за скорое формирование дивизии Иван Осипович был произведен в генерал-лейтенанты.

Расселение военных округов между тем расширялось, росло вширь численно и пространственно. Если первоначально «поселенная конница» занимала территорию нескольких уездов Новороссии, то затем в их число попали уезды Киевской и Подольской губерний.

В том же, 1818 году де Витт стал командующим вторыми (резервными) батальонами полков 10-й, 13-й и 20-й пехотных дивизий, а чуть позднее – и командующим вторыми батальонами полков 7-й, 8-й и 9-й пехотных дивизий. Фактически отныне в его руках были сосредоточены все воинские резервы юга России. В декабре 1819 года де Витт был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени «в воздаяние отличного усердия к службе и трудов, понесенных при устройстве вверенных военных поселений Бугской уланской дивизии», а год спустя получил второй по значению орден империи – Святого Александра Невского.

Какую же цель преследовал Александр I, создавая военные поселения вокруг Петербурга и на юге России? Страсть императора к прусской муштровке в данном случае нельзя признать основной причиной, так как для этой блажи вполне хватало и существовавшей армии. Не являлось главной целью и желание с помощью создания военных поселений сократить расходы государства на армию. О главной причине желания Александра I создать военные поселения как можно быстрее историки обычно умалчивают. А причина была, и весьма серьезная!

Заключалась она в том, что в создании военных поселений Александр I видел воинскую силу, которую в случае необходимости он мог бы противопоставить гвардии, после заграничных походов ставшей гнездом масонства. На первый взгляд это выглядит парадоксально: император создает противовес собственной гвардии, обязанной служить главной опорой его трона. Однако если вспомнить события декабря 1825 года, то все оказывается весьма логичным и своевременным. Надо вспомнить и события тех лет в Турции, когда султан был вынужден истребить свою собственную «преторианскую гвардию» – янычар, чтобы обезопасить себя от их мятежей. И в первом и во втором случае императором Александром и султаном Махмудом II руководили одни и те же мотивы.

Историк Б. Башилов приводит конкретные исторические данные о том, что русское масонство после Отечественной войны находилось в полном подчинении у руководителей иностранных масонских орденов, частью которых, собственно, и являлись русские ложи. Б. Башилов пишет: «27 января 1815 года великий мастер Петербургской ложи “Сфинкс” А. Жеребцов отправил товарищу великого мастера ложи “Сфинкс” уездному предводителю дворянства П.И. Левенгагену письмо, в котором сообщал, что он за нарушение устава, по постановлению Верховного Совета ордена в Лондоне, предан масонскому суду. Текст этого документа, фотокопия которого была опубликована в 1912 году в газете “Земщина” (№ 896 от 5 февраля 1912 г.) таков: “Высокопреосвященный брат Левенгаген! Перед получением мною Вашего письма, в котором Вы делаете честь сообщить мне, что, по домашним обстоятельствам, вы не можете оставаться вице-президентом уважаемой ложи “Сфинкс” и слагаете с себя обязанности, я получил извещение от верховного Лондонского Совета, объявляющего, что его решение о Вашем поведении по отношению к братьям, не пожелавшим принять извинения, которое Вы поручили мне им передать, послав в великий капитул “Феникса”, долженствующий Вас судить по своей мудрости. В ожидании сего Совет временно отрешил Вас от должности вице-председателя Шотландской ложи. Мне велено сообщить это с чувством великой скорби. Счастливейшим днем моей жизни будет тот, когда я увижу Вас оправданным в глазах масонства. Примите, высокопреосвященный брат, уверения в моих чувствах к Вам. А. Жеребцов, великий мастер ложи “Сфинкс”».

Французский посол граф Буальконт в депеше, написанной 29 августа 1822 года, констатирует: “...Император, знавший о стремлении польского масонства в 1821 году, приказал закрыть несколько лож в Варшаве, и готовил общее запрещение; в это время была перехвачена переписка между масонами Варшавы и английскими. Эта переписка, которая шла через Ригу, была такого сорта, что правительству не могла нравиться. Великий князь Константин (живший постоянно в Варшаве) приказал закрыть все ложи. Из Риги Его Величество также получил отрицательные отзывы о духе масонских собраний; Генерал-Губернатор приказал закрыть все ложи и донес об этом в С.-Петербург”. “В России имеются все признаки духа разрушения, –

сообщает в том же письме граф Буальконт, – который распространен в государстве, где мнения выражаются только катастрофами; где можно видеть людей, прекрасно воспитанных и принадлежащих к сливкам общества, но восхваляющих убийц Павла I, и где лучшим тоном людей высшего света были их намеки на то, что и они имели отношение к этому ужасному преступлению”.

1 августа 1822 года Александр I дал следующий указ: “Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то масонских лож и другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять, а всех членов сих обществ обязать подписками, что они впредь ни под каким видом ни масонских, ни других тайных обществ, ни внутри империи, ни вне её, составлять не будут”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.